

A movie poster featuring a shirtless man with a beard and a woman with red hair wearing a red hood. The woman is holding a red cupcake with a white rose on top. The title is written in large, stylized letters across the center. The man has a gold star badge on his hip that says 'SHERIFF'.

Мачоучка КРАСНАЯ

АЛЕКСА РАЙЛИ

Грей Ридж, Колорадо – тихий городок, но в этот Хэллоуин на небе взойдет Брачная луна, и потребность оборотня в паре и потомстве будет сильнее, чем когда-либо. Руби – гордая владелица "Миленькой Красной Корзинки", она недавно переехала в этот город и хочет построить здесь свой бизнес. Но когда сексуальный шериф, Доминик Вулф, начинает уводить ее клиентов, она обнаруживает, что трудно сходить с ума, когда сгораешь от желания. Доминик – оборотень, и его волк жаждет Руби. Что касается второго, он положил на нее глаз и борется с необходимостью отметить ее как свою. Но когда Брачная луна станет полной, он больше не сможет контролировать своего волка. Шашни и удовольствия – это последнее, что приходит в голову, когда жажда спаривания берет свое, и его одержимость подвергается испытанию. Внимание: эта история сексуально видоизменена в отличие от классической сказки, где речь идет о красном плаще, корзинке с лакомствами и голодном волке. Книга написана с целью заставить вас улыбнуться, взбодрить и помочь отпраздновать Хэллоуин!

- ♦ **Автор: Алекса Райли**
- ♦ **Книга: Красная Шапочка**
- ♦ **Серия: Сказочный Оборотень #1**
- ♦ **Главы: 10 + Эпилог**
- ♦ **Переводчик: Александра Котельницкая**
- ♦ **Редакторы: Аyna German и Иришка Котолуп**
- ♦ **Обложка: Ника Метелица**
- ♦ **Вычитка: Svetlana Shehovtsova**

Глава 1

Руби

— Мы не можем продавать это! — я смотрю вниз на изделия, которые имеют форму малюсеньких членов, и пытаюсь убедить себя, что вижу еду. Сейчас 5.30 утра, и я еще не пила кофе, поэтому, возможно, мой мозг все еще просыпается. Я снова смотрю на поднос, надеясь, что ошиблась. Не-а. Определенно малюсенькие члены.

— Почему нет? — Гвен берет одну из печенюшек, похожую на член, и откусывает головку, заставляя меня съежиться. У меня нет пениса, но я могу себе представить, насколько это больно. — Они вкусные. Я сделала акцент на тыквенные специи. Сучки любят тыквенные специи. — Она кивает головой, словно подтверждая то, что сучки любят тыквенные специи. Она проглатывает остатки печенья и довольно стонет. «Глотание» принимает совершенно новое значение в «Миленькой Красной Корзинке».

— Неужели сучки тоже откусывают головку?

Гвен потирает свой нос и смотрит на партию печенья на разделочном столе.

— Они выглядят как члены, но на самом деле это метлы. — Но даже когда она защищает себя, она наклоняет голову, чтобы их изучить.

— Лобковые волосы, — я указываю на то, что должно быть щетиной метлы, затем провожу пальцем по тому, что, я предполагаю, должно было выглядеть как настоящая метла. — Член.

Девушка прикусывает губу, и я могу сказать, что она пытается найти способ доказать, что я не права.

— Гвен, если это чертова метла, то почему она кончает? — В конце печенья есть белая глазурь, стреляющая из него и явно похожая на сперму.

— Это типа волшебство выходит! Это же метлы ведьм! — она говорит это так серьезно, что я не уверена, кого она пытается убедить здесь — меня или себя.

— Да, заметно, что оно выходит.

Внезапно мы обе смеемся. Я должна быть расстроена, но смеяться — это классно. Этс

то, чего я уже долго не делала, и я смеюсь, наслаждаясь глупостью всей ситуации.

Когда мы, наконец, перестаем смеяться, на ее лице появляется тревога.

— Все в норме.

Я пытаюсь успокоить ее. Я открыла пекарню чуть больше недели назад и уверена, что она думает, будто я собираюсь уволить ее. О чем она не знает так это о том, что она является единственной, кто подал заявку на эту должность. По какой-то причине мне было нелегко переехать в этот маленький городок в Грей Ридж, штат Колорадо.

Если бы не туристы, которые заглядывают время от времени, у меня вообще не было бы никакого бизнеса. К счастью для меня поблизости есть национальный парк, который держит мой небольшой магазинчик в тонусе. Вот только не знаю, как долго это продлится, ведь как только снег достигнет гор, количество туристов резко спадет. Мне сказали, что некоторые из дорог закрываются здесь после первого снега. Может быть, к тому времени люди, живущие здесь, станут теплей ко мне относиться. Иначе эти несколько месяцев станут тяжелыми, и мне придется залезть в свои сбережения. Поскольку праздники уже на носу, я надеюсь, что всем понадобятся десерты.

Был уже почти конец октября, и я подумала, что некоторые праздничные угощения для Хэллоуина будут хорошей идеей. Когда я рассказала об этом Гвен, она вдохновилась, пожелав сделать их сама. Кажется, ей всегда хочется задержаться здесь как можно дольше. Вчера вечером у меня была куча бумажной работы, поэтому я дала ей возможность опробовать свои собственные навыки кулинарии. Я поднялась наверх, в свою маленькую квартирку-офис над пекарней, и оставила все на нее. Сегодня утром я поняла ошибку своего столь поспешного решения.

Когда я наняла ее, я понимала, что у нее нет никакого опыта, но она, казалось, очень хотела учиться. Всякий раз, когда я готовила, она следила за каждым моим движением, поглощая всю информацию, которую только могла впитать. Я прошла кулинарную школу и с удовольствием поделилась с ней всеми своими трюками. Приятно было с кем-то поговорить, кто разделяет мои интересы, но ей еще предстоит пройти долгий путь, когда дело доходит до кулинарного ремесла.

— Ладно, мы не можем продавать это. Что еще ты сделала?

Гвен подходит к духовке и вытаскивает следующую порцию десертов. Передо мной появляется огромный поднос оранжевой выпечки в форме тыкв, на которых гигантскими черными буквами написано «СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Почему «съешь меня»? — спрашиваю я, глядя на идеально сделанные тыквы. Идеальные, кроме надписи, конечно же.

— Это подсознательное сообщение для клиентов, — она кивает головой, словно работает в рекламном бизнесе и знает, что это секрет продаж. — Люди просто должны будут купить это печенье и съесть его, потому что оно велит им.

— Что-то еще? — я скрестила пальцы за своей спиной, молясь, чтобы у нас было хоть что-то, что мы смогли бы продать сегодня. Теперь я не уверена, хочу ли, чтобы мы открывались сегодня. Мне нужно сделать хоть какое-то пригодное для продажи печенье и Хэллоуинские сладости к тем, что я уже продаю. Если Гвен будет работать у прилавка, готовка задержит меня в задней части здания на весь день.

— Еще я сделала кексы.

Она отскакивает обратно к духовке. Через две секунды она возвращается, неся поднос, целиком наполненный чем-то зеленым, черным, белым и оранжевым. Единственная

проблема в том, что из них, кажется, торчит еще больше членов.

— Что это? — я указываю на то, что явно выглядит как член поверх кекса. Не то чтобы я имела опыт с настоящим, но у меня есть ученая запись на Tumblr.

— Это пальцы. Разве они не выглядят до ужаса круто?

Я могу сказать, что она реально тащится от этого. Я даже опасаясь того, что она задержалась допоздна, чтобы сделать их. На ее лице светится огромная улыбка, и я не могу себя заставить вытащить ее из этого пузыря.

— Они прекрасны, Гвен, — я хватаю один из подносов, чтобы поставить его на прилавок. Я размещу его там, где смогу спрятать за гигантской грудой хрустящего рисового печенья и пирогами, или чем-то еще. Я могла бы положить их на нижний ряд, но тогда это будет на уровне глаз детей. Видимо, мне придется поставить их наверх, и я мысленно съезживаюсь внутри.

Это никак не поможет моему сближению с местными жителями, которые и без того избегают меня. Они не слишком счастливы, что я захватила городскую пекарню. Это единственная причина, по которой, как я понимаю, многие разворачиваются и идут другим путем, когда видят меня. А я ведь не пробыла в этом городе достаточно долго, чтобы разозлить кого-то. Можно подумать, что я пришла и украла пекарню или нечто подобное, как поступают другие. Я увидела объявление в интернете о ее продаже и подала заявку, и если им не нравятся новые люди, возможно, им не стоило выставлять онлайн-сообщение для всего мира!

Сайт даже предоставлял всем документы о том, насколько успешным был предыдущий владелец, и объяснял, что единственной причиной, по которой магазин продается, была та, что владелец скончался, а его семья не могла управлять им. Но с тех пор, как я начала управлять этим местом, бизнес был не таким успешным.

Когда я увидела это место, я знала, что оно будет идеальным для меня; новое начало в новом месте, и, возможно, я смогу оставить грустные воспоминания за спиной. После того как моя бабушка умерла, я осталась совсем одна. Она воспитывала меня с пяти лет с того момента, когда мои родители погибли в автокатастрофе. После школы я пошла в колледж, получила диплом в сфере бизнеса, но, видимо, он не очень-то и помогает. Я чувствовала себя счастливой только тогда, когда возвращалась домой к бабушке или когда находилась на кухне. Именно тогда я поняла, что должна посвятить жизнь выпечке, если хотела быть счастливой.

Моя бабушка отдала меня в кулинарную школу, и, к сожалению, вскоре после того, как я окончила школу, я потеряла ее. После этого я закрыла ее поместье, поняла, что хочу открыть свою пекарню, и начала искать подходящее место. Когда я наткнулась на этот маленький городок с этой прекрасной пекарней, что-то в ней меня привлекло. Когда же я впервые зашла внутрь, я поняла, что это было именно то место; я почувствовала, что мне оно подходит. Это было так, словно пекарня ждала именно меня, словно это было предназначено мне судьбой.

Толкнув кухонную дверь, я ставлю поднос на прилавок и начинаю готовить кофе, пока открываю магазин. Возможно, я слишком строга к себе; я жила здесь не так долго.

Следом за мной входит Гвен, и я вижу, что она направляется к подносам, стоящим на витрине магазина, и все там аккуратно расставляет. Дерьмо.

Возможно, когда мы откроемся, я смогу отправить ее по поручению и выбросить все к ее возвращению. Я могу сказать ей, что их разгребли с невероятной скоростью, но тогда она

просто захочет сделать еще больше. Дважды дерьмо.

Закончив наше утреннее открытие, я подхожу к окну и немного поворачиваю выпечку. Как только все готово, я переворачиваю табличку с «Закрыто» на «Открыто» и отпираю дверь. Вернувшись за прилавок, я смотрю, как люди проходят мимо пекарни, идя к своим магазинам. Несколько человек, которых я не знаю, приходят за кофе и смотрят на Хэллоуинскую выпечку. Я вышла за прилавок и выложила «метлы». То же самое сделала и с остальным. Если они не продадутся, я всегда смогу отвезти их в дом престарелых по дороге домой, как делаю это после работы. Возможно, они не заметят того, что печенье похоже на члены.

— Я думаю, что немного позже спущусь в хозяйственный магазин и куплю украшения для Хэллоуина. Придадим этому месту праздничный вид. Я знаю, что некоторые из детей будут выпрашивать сладости со словами «неприятность или угощение», проходя по улице в субботу на Хэллоуин. Возможно, некоторые из них возьмут с собой своих родителей или что-то в этом роде, если это будет выглядеть празднично. — Я пытаюсь звучать взволновано, но Гвен просто фыркает, заставляя свои светлые волосы подпрыгивать. Можно подумать, что я буду сражена на повал ее работой за прилавком, учитывая, насколько она горяча. Она ест больше выпечки, чем я, и я не знаю почему, но на ее фигуре это никак не сказывается. В моем случае все откладывается в бедра и задницу.

— Гвен, ты родилась и выросла здесь, правильно? — спрашиваю я, уже зная ответ. Я слышала, как она рассказывала о брате. Она живет с ним и постоянно жалуется, что тот не позволяет ей что-либо делать. Я на самом деле думаю, что она подала заявку на эту работу в акт протеста. Увидев все эти пошлые угощения на Хэллоуин, которые она сделала, я начинаю думать, что ей не хватает секса. Не то чтобы я тыкала пальцем. Я двадцатичетырехлетняя девственница, а Гвен всего на три года младше меня, но я не была той, кто пек пенисы.

— Ага, родилась и выросла, — отвечает она, поворачиваясь и прислонившись бедрами к прилавку рядом с кассой.

— Разве не большинство жителей родились здесь и выросли?

Город кажется таким сплоченным, как будто только я не могу влиться в толпу. Похоже, я еще не выполнила какой-то секретный ритуал вхождения или что-то в этом роде. Каждый день я надеюсь, что что-то произойдет. Что это просто случайность, что люди до сих пор не приходят. Возможно, они не знают, что булочная снова открыта, но я начинаю думать, что в городе как этот, все всё знаю обо всех и обо всём.

Гвен пожимает плечами, и я вижу, что она тщательно подбирает слова.

— Большинство из них с этих краев, но Альф... Я имею в виду, мой брат, любит иногда блуждать время от времени.

— Они не выглядят слишком приветливыми, — бормочу я, не желая оскорбить ее брата. Почему, если это его работа — приветствовать? Я еще не встречалась с этим человеком, и если он какая-то VIP-персона для города, то он полный мудака. Я здесь уже три недели и понятия не имею, кто он такой.

— Ну, это займет некоторое время, — она наклоняется немного ближе ко мне, и я слышу, как она фыркает.

— Ты меня обнюхиваешь? — схватив себя за рубашку, я принимаю себя, думая, может быть, я воняю или что-то в этом роде, но все, что я могу учуять, это сахар. Независимо от того, сколько раз я принимаю душ, я думаю, этот запах въелся в мою кожу, поскольку все

время я провожу за готовкой сладостей.

— Нет, — отвечает она, отстраняясь от меня, как будто я задала ей сумасшедший вопрос.

— Тебе нравится работать здесь, Гвен?

— Я обожаю это! Ты ведь не уволишь меня, только потому, что я обнюхивала тебя? Я могу украсить магазин, если хочешь. Хэллоуин через несколько дней, но я сделаю это сегодня. Или это из-за угощений? Они не понравились тебе? Я могу переделать их снова. Просто покажи мне, как тебе нравится. Никто другой не наймет меня. Мой брат не позволит им и... и...

— Гвен, успокойся, — говорю я, перебивая ее на полуслове. — Я не собираюсь тебя увольнять. Я... это просто... секунду назад, когда я сделала предложение украсить это место, ты фыркнула так, словно «сюда никто не заходит», и, если никто не заходит сюда, то и работать нам нет смысла.

— Ох! — вздыхает она, словно это ничего не значит, а я просто смотрю на нее, абсолютно ничего не понимая. — Они придут позже.

— Позже? — Я машу рукой, пытаюсь побудить ее закончить предложение.

Она колеблется, затем оглядывает комнату.

— После того, как шериф Вулф перестанет пугать людей. — Она произносит эти слова так, словно я вырываю их у нее с помощью пыток.

Услышав его имя, мои глаза стреляют в переднее окно, чтобы посмотреть, не следит ли он снова за моим магазином. Я думала, полицейские ездят на своих машинах, едят пончики, но этот весь день гуляет по Мэйн-стрит, ест мою выпечку и пьет мой кофе. Он останавливается перед моей пекарней больше, чем где бы то ни было, и тут же впивается взглядом, словно я что-то сделала, чтобы оскорбить его.

Это его семья владела пекарней еще до того, как пришла я, но мне сказали, что он хочет ее продать. Адвокаты объяснили, что у него не было времени, чтобы управлять ею, и я могла понять, ведь он был шерифом. И я никак не вижу его управляющим пекарней. Он любит поесть дома и за его пределами.

Мужчина был придурком. Сексуальный, громадный, с лицом подонка, который был моим самым активным клиентом, но все-таки с лицом подонка, и он едва мог составить предложение в лучшие дни. Сначала я думала, может быть, он может только фыркать и рычать. Но потом я увидела, что у него не было проблем с другими людьми. Я слышала, как он разговаривал с Гвен несколько раз и с другими, но со мной это было похоже на то, что я слишком надоедливая или что-то еще. Если он не переваривает меня, то почему все время ошивается рядом? Почему он продал мне магазин? Не то чтобы я свернула его большую, волосатую, мускулистую руку или что-то в этом роде. На самом деле все было наоборот. Я помню тот день, как будто он был вчера.

Когда я приехала посмотреть это место, я была очень взволнована. Я знала, еще до того, как попала сюда, что соглашусь на сделку. Фотографии на сайте показали мне, что это все, чего я хотела. Место было даже украшено в моем любимом цвете — красном. Все, что мне нужно было сделать, это сменить вывеску на новую.

Я была так взволнована, чтобы, наконец, увидеть все воочию, но в первый раз, когда я вошла внутрь, все что я увидела, был он. Я думала, что он сидел за мини-столом в пекарне, но мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что стол вовсе не миниатюрный. Нет, он просто выглядел так, потому что мужчина был просто огромным.

Я была загипнотизирована им, все мое тело ожило. Это было чувство, которого я никогда раньше не испытывала — словно тепло окутало меня. Его и без того большие серые глаза стали еще больше при виде меня, но потом он встал из-за стола и выбежал из пекарни. Не доходя до двери, он бросил через плечо: «Это ее». Он ясно дал понять, что он покончил со мной и пекарней. Или так я думала.

Почему-то это выбило воздух из моих легких, когда он так легко избавился от меня. Я не должна быть настолько заикленной на нем. Я никогда не была замечена мужчиной. Я маленькая, пухленькая, с курчавыми рыжеватыми волосами, которые я едва могу контролировать. Именно поэтому мои родители называли меня Руби (прим. пер. — в переводе с англ. рыжая). Поэтому его поведение не должно так больно ранить меня, но все было совсем наоборот.

Потом я узнала, что он шериф. Я думала, что он пришел сюда, чтобы упрекать меня, и теперь я узнаю, что он не пускает людей в магазин. Что это? Какая-то схема, разработанная им, или что? Перепродавать пекарню, вытесняя пекаря из бизнеса и покупать её за ничтожные гроши, а затем продавать новым людям снова и снова? Я не могу даже пожаловаться на него, потому что он чертов шериф.

Возможно, это все закончится. В тот день, когда он увидел меня, возможно, понял, что я легкая добыча. Ну, в следующую нашу встречу я вставлю свои пять копеек. Я покажу ему, что такое настоящее рычание.

Глава 2

Доминик

Сделав несколько шагов, я перехожу через улицу от «Миленькой Красной Корзинки». Я морщусь от таблички, которую она вывесила несколько дней назад. Она не могла придумать что-то более сексуальное. Я стою в стороне в ранней утренней тени и наблюдаю, как Руби выкладывает выпечку на витрину, ее непослушные рыжеватые волосы подпрыгивают на голове. Вчера мне приснился сон, как она объезжала меня, ее длинные рыжие кудри окутывали нас, в то время как я дышал ее сладким, вкусным ароматом и насаживал на член.

— Это... — я остановил себя, увидев, как выглядит ее выпечка, словно члены, выставленные на показ всем, проходящим мимо. — Каким видом выпечки она занимается? — Круто, я уже начинаю разговаривать сам с собой. Просто я думаю, что не могу потерять еще больше, чем уже потерял. Я наблюдаю за тем, как она возвращается за стойку и разговаривает с Гвен.

К счастью, мое зрение в сотни раз лучше, чем у нее, поэтому, когда она смотрит в окно своими темно-зелеными глазами, она не может увидеть меня, но я все еще могу отлично видеть свою пару. Я чувствую, как мои зубы удлиняются, у меня начинает болеть челюсть. Я хочу погрузиться в ее кремово-фарфоровую кожу. Я ужасно хочу это сделать в момент, когда мое имя будет слетать криком с ее пухлых губок. Возможно, она подарит мне тот стон, который я услышал, когда она откусывала один из своих десертов.

Потребность в ней становится все сильнее, и я думаю, что уже не за горами тот момент, когда она станет моей. Я не знаю, сколько мне еще осталось. Я думал, что через некоторое время я смогу снова взять своего волка под контроль, но это, похоже, не произойдет, у меня

осталось мало времени. Я смотрю на небо и вижу, как солнце начинает проясняться из-за туч, но я уже чувствую приближение полнолуния. Оно уже почти рядом.

Помню, как я впервые увидел Руби в тот день, когда она вошла в пекарню и захотела купить ее. Эта пекарня принадлежала моей двоюродной бабушке Клэр больше двадцати лет, но продажа была верным шагом. Когда Руби открыла дверь, теплый ветерок последовал за ней, принося ее аромат прямо ко мне. Тогда я понял, что нашел свою пару.

Грей Ридж в штате Колорадо — небольшой городок, но очень старый. Мы расположены недалеко от парка, который привлекает много туристов в течение всего года, но, как правило, сюда не ходят аутсайдеры. Мы никогда не даем им возможность владеть собственностью, продавая ее другим оборотням. Моя семья и несколько других семей жили в Грей Ридж на протяжении поколений. Я знаю всех, кто когда-либо проживал здесь, и если я не знаю их, я пытаюсь узнать, кто они такие. Большинство людей думает, что мы просто сплоченное общество, но на самом деле мы являемся коммунной оборотней, живущих семейной стаей.

В тот день, когда я почувствовал запах Руби, я уже знал, что она моя. Вот как это работает с нами. Мать-природа приносит вам свою судьбу, одного человека, который навсегда останется вашим. Мой папа говорил мне, что я пойму это, когда почувствую запах. Она будет моей второй половинкой, когда я увижу ее; отсутствующая часть меня, которую я не знал, встанет на место, и он был прав. Мой волк сразу понял, что это была Руби. Я сидел за столом в пекарне с тремя адвокатами нашей стаи, когда она зашла внутрь с этими ее рыжими волосами и изящными изгибами. Я видел, как она вышла из машины, и это заставило моего волка сесть и обратить внимание. Мне было интересно еще до того, как я узнал, что она именно та единственная, но как только дверь открылась, мой волк сошел с ума, пытаясь вырваться наружу. Это было то, чего никогда не случалось со мной раньше. Конечно, когда я был молод, мой волк иногда пытался ринуться в бой, но никогда он не хотел этого настолько сильно. Впервые в жизни я почувствовал, что не имею над ним контроля.

Я знал, что должен уйти оттуда так быстро, как только мог. Мой волк хотел выбраться наружу, и каждая секунда, проведенная рядом с ней, приближала меня к моему волку, вырывающемуся на свободу. Полнолуние должно быть через три недели, и если бы я был с ней, но не смог спариться, боль была бы чертовски мучительной. Эта краткая встреча вызвала у меня боль в животе и члене. Я чувствовал себя так, будто меня побили, но в то же время я был ужасно возбужден.

Для моего рода необычно спариваться с человеком, потому что это может усугубить некоторые вещи. Моя двоюродная бабушка Клэр была человеком, но по какой-то причине я никогда не думал, что моя пара будет одной из них. Другой оборотень поймет тягу и то, что с ним происходит. Человек же не может понять некоторые из реакций организма на кого-то, кого он даже не знает. Мне говорили, что люди по-прежнему чувствуют притяжение, но не настолько острое, как оборотень. Реакции возникнут, если человек спарится с оборотнем, но до спаривания это не так заметно. Попадание спермы внутрь самки человека заставит ее впасть в горячку и жаждать спаривания снова, чего нельзя делать до полной луны.

Чего я действительно не ожидал, так это чувствовать себя таким ярым защитником и собственником по отношению к человеку, которому я едва сказал десять слов. Руби слабее нашего вида, и она не сможет защитить себя как наши самки. По крайней мере, до спаривания, после она будет обладать некоторыми особенностями оборотней. Она никогда

не станет полноценной волчицей, но также не будет полностью и человеком. Нет, она будет частью меня, и от этой мысли мой член еще больше твердеет.

Я не могу смириться с мыслью о том, что другой мужчина будет смотреть на нее, поэтому я пустил слух среди всех местных жителей держаться подальше, пока не наступит спаривающая луна. Я сказал, что «пустил слух», но на самом деле я прогулялся к каждой двери, угрожая смертью любому, кто посмотрит на мою пару. И, возможно, я переборщил, так как вижу, что не только все мужчины, но и все женщины перестали посещать пекарню. Скоро, говорю я себе, скоро.

Я выхожу из тени и иду через улицу. Я вхожу в пекарню, слыша дверной звонок над головой. Краем глаза я вижу, как Гвен мне улыбается, но мое внимание сосредоточено на Руби. Луна почти полная, и болезненная потребность спариваться с ней пробегает по моему телу. Но как сказать кому-то, кто не является оборотнем, и кто не знает о нашем мире, что его ожидает?

Она хмуро смотрит на меня, и мой волк поднимается в моей груди, принимая вызов. Я хочу доминировать над ней, бросить ее на землю и схватить зубами, пока она не подчинится. Мои звериные инстинкты толкают меня вперед, но я пытаюсь обуздать их. Я не могу сделать это посреди белого дня.

— Кофе, — я наблюдаю, как Руби подходит к прилавку. Маленький красный фартук, который на ней надет, совсем не прикрывает изгибы. На ней вязаное платье, обтягивающее ее фигурку и заставляющее меня облизать губы. Интересно, есть ли что-то под этим платьем.

— Шериф Вулф, — говорит она, словно злится на меня, а может так и есть, но ее тело говорит обратное. Я могу сказать это по тому, как она наклоняется ко мне, пытаясь сократить расстояние между нами. Она, вероятно, даже не понимает, что делает это, но ее тело знает, что она принадлежит моему волку и мне. Подсознательное желание, вероятно, выводит ее из себя. Она хочет меня, но не понимает, почему.

Она поворачивается, чтобы взять чашку кофе и наполнить ее. Когда она передает ее мне через прилавок, я осторожно беру чашку, не прикасаясь к девушке. Если я прикоснусь к ней, то не уверен в том, что произойдет дальше. Я не могу ее трахнуть, потому что это вызовет у нее горячку, но мой волк хочет укунить ее и отметить. Сейчас. Возможно, от простого укуса ничего не будет. Я мог бы вылизать ее киску. Мой волк рычит при мысли о том, чтобы наконец узнать, на что похожа ее киска. Бьюсь об заклад, она такая же вкусная, как и ее запах.

У самцов оборотней это проходит хуже. Член не может быть твердым, пока волк не найдет свою пару, поэтому до тех пор, пока твое тело не имеет этой функции [«твердый член» — прим. ред.], вы не можете сделать ничего с этой чертовой штукой. Вот почему самцы всегда ищут свои пары. Когда ты ее находишь, твой член наконец-то впервые становится твердым. Однако в такой момент становится еще хуже, потому что ты не можешь кончить. Независимо от того, сколько бы раз я гладил свой жесткий член, ничего не выйдет.

Пока ты не овладеешь своей парой в первый раз и не найдешь освобождения внутри нее, ты можешь гладить член сколько угодно, он все равно обмякнет и ничего не произойдет. Когда ты находишь свою пару, то можешь сразу же заявить на нее права, вступив в горячку после того, как наполнишь ее своей спермой. Как только это произойдет, горячка спаривания нахлынет на вас до следующей полной луны. После этого горячка уйдет.

После того, как спаривающаяся луна спадет, ты сможешь заявить ей, что можешь трахнуть ее столько раз, сколько захочешь. Но до тех пор, это холодные души и пакеты со

льдом. Женщины могут трахаться всякий раз, когда хотят, но из того, что я слышал, они не могут испытывать оргазм, так что, возможно, это так же плохо. Но я в этом сомневаюсь.

— Не возражаешь, если я спрошу, почему ты отпугиваешь всех моих клиентов? Слова Руби привлекают мое внимание к ней, но у меня нет ответа. Я хочу сказать ей, что она моя, но я не могу. Я пытаюсь придумать что-то, чтобы ответить, но мой волк слишком близко к поверхности, и все, о чем я могу мечтать, это то, как заставить ее впасть в горячку. Я не могу мыслить здраво.

— Я не связываюсь с туристами, — это полуправда, я не связываюсь ни с кем из них, и это единственное, что я могу сказать в ответ. Она смотрит на меня, и, я клянусь Богом, мой член становится тверже. Эта чертова штука не опускалась с тех пор, как три недели назад она вошла в пекарню. Почему ее поведение так сильно меня заводит, я не знаю. Обычно я действительно непринужденный парень, но что-то в ней вызывает ко всем моим спящим животным инстинктам, заставляя их вырываться на поверхность.

— Гвен говорит мне, что в какой-то момент ты прекратишь это. Не против, если я спрошу, когда?

Она кладет руку на свое бедро, выделяя черту между талией и округлыми бедрами. Мой рот наполняется слюной, и я чувствую, что у меня снова болят челюсти. Я хочу укунить ее за эти бедра. Никто никогда не увидит следов, но я бы все равно сделал это. Каждый раз при взгляде на свою девочку я бы знал, что они там.

Руби прочищает свое горло, и я перевожу взгляд с ее тела на лицо. Она поднимает одну бровь, когда ловит меня за разглядыванием, но я не отвожу своего взгляда. Она моя, просто еще не знает этого. И тогда я осознаю, что она по-прежнему ждет ответа.

— Воскресенье, — рычу я, зная, что именно в этот день будет спаривающая луна.

Она смотрит на меня, как будто я сумасшедший.

— Значит, в воскресенье ты волшебным образом прекратишь отпугивать местных жителей от моей пекарни, и все придут сюда?

— Ага.

Она думает, что я сумасшедший, но именно так это и будет. Как только она будет отмечена мною, она никогда не захочет находиться вдали от меня. Ей не будут нравиться прикосновения других мужчин, и все оборотни будут знать, что она принадлежит мне, лишь вдохнув ее запах.

Когда придет полная луна, все те, у кого нет пары, обычно выезжают из города на несколько дней, не в силах вынести шума всех спаренных, бегущих на торжество, словно сумасшедшие животные. Я ненавижу это, потому что, будучи шерифом, я не мог выбраться из города, как мне того хотелось. У меня больше никогда не будет этого ощущения. Никогда, потому что у меня появится пара до восхода следующей луны.

— Конечно, что бы вы ни говорили, Шериф Вулф. Я поверю в это лишь тогда, когда увижу.

Она поворачивается ко мне попкой и идет в заднюю часть пекарни, но я стараюсь остановить ее до того, как она уйдет.

— Доминик. — Она оборачивается, и наши взгляды встречаются. — Пожалуйста, зови меня Домиником.

Я вижу, как что-то вспыхивает в ее глазах, и она кивает. Мой волк хочет ее понюхать, и хочет, чтобы она приласкала меня, но я должен держаться. Боль от возбуждения окутывает меня, и я не могу находиться около нее слишком долго.

Выходя, я бросаю взгляд на Гвен, на лице у которой сверкает широкая улыбка.

— Гвен, тебе лучше знать это — ты продаешь члены, — я знаю, что их испекла она. Она ведет себя так, словно дикая, но она далека от этого, и я не уверен, что ее неудачные творения были сделаны не нарочно.

Она хихикает и подмигивает мне, когда я выхожу.

— Хорошего тебе дня, Доминик.

Глава 3

Руби

— Я закрою парадную дверь, когда буду уходить. Ты уверена, что сегодня вечером моя помощь не нужна? — спрашивает Гвен.

Я уже заканчиваю протирать витрину, вытирая отпечатки пальцев на стекле, оставленные клиентами сегодня. Я бросаю бумажное полотенце в мусорное ведро, затем вставляю ключ в замок и запираю ящик. — Нет, думаю, на сегодня все, — я кладу ключ в свою сумку и улыбаюсь ей.

— Может быть, мы могли бы пойти выпить? — с надеждой произносит Гвен, широко улыбаясь.

Она хочет пообщаться, но я измотана после трудового дня, готовя не сексуальные угощения на Хэллоуин.

— Не сегодня.

Ее лицо меркнет от моего ответа и заставляет меня чувствовать себя виноватой. Я новенькая в этом городе, а она единственная кто, кажется, принял меня с распростертыми объятиями. Я не могу себе представить, чтобы такая как она не имела других друзей, с которыми можно пойти куда-то повеселиться, или толпы мужчин, желающих ее внимания. Но я могу сказать, что несмотря на ее общительность, она была все же немного одинокой.

Такая же как и я, и если бы я не была такой уставшей, то пошла бы с ней.

— Но в пятницу вечером я свободна, — я дарю ей одну улыбку, надеясь, что она наградит меня такой же самой. Я должна приложить больше усилий, если хочу вписаться в этот город. Может быть, посиделки с Гвен дадут мне возможность по-настоящему познакомиться с местными жителями в более спокойной обстановке. Я уверена, что Гвен знает всех и может познакомить меня. Сомневаюсь, что есть хоть один человек, которого она не знает. Я также предполагаю, что прогулка с ней будет веселой. У нее заразительная улыбка.

— Круто! — Гвен наклоняется и обнимает меня, даря сильные объятия. Трудно найти друзей в новом городе, но она просто та еще находка. Я обнимаю ее, возвращая такие же крепкие объятия.

— Спасибо, дорогуша, — отпустив ее, я забираю свой кошелек со стойки.

— Увидимся завтра, — кричит Гвен через плечо, когда выходит из парадной двери, закрывая ее за собой.

Это был долгий день, но хороший. Хороший момент заключается в том, что ты можешь работать в пекарне на протяжении всего дня с раннего утра и заканчивать в пять вечера. Сегодня было много туристов, несмотря на то, что шериф все время стоял на страже. Странно, но часть меня любит тот факт, что он так близко. Странное ощущение, но я чувствую себя немного безопаснее, зная, что он рядом.

— Он ужасный шериф. Он должен источать чувство безопасности вокруг себя, — бормочу я себе под нос, понимая, что тут кроется нечто большее. Я хочу накричать на него, чтобы он убрался прочь от моего магазина, но когда он поворачивается, словно готов войти внутрь, мое сердце начинает биться быстрее. Я говорю себе, что это гнев, но я знаю, что обманываю саму себя.

В настоящее время жители пока не горят желанием прийти в пекарню, и эта часть самая тяжелая. Но почему-то Доминик говорит, что все изменится в воскресенье. Что это вообще значит? Что такого волшебного произойдет в воскресенье?

Доминик.

От одной только мысли о нем меня всю покалывает. Раньше я никогда не испытывала такого к кому-то. Он действует на мои нервы так, словно обладает мной полностью, и я не могу остановить свое тело от желания потереться об него. Это безумие, потому что я не помню, чтобы меня так заводили. Когда он близко, я чувствую, как этот гул пронизывает меня насквозь, и все, что я хочу сделать, это покориться и позволить ему вскарабкаться на меня.

Иисусе, Руби, соберись. Я мысленно вывожу себя из своего сексуального помутнения и убираю оставшуюся выпечку с витрины. Удивительно, но многие угощения на Хэллоуин продаются очень даже хорошо, многие из туристов фотографируют их и выкладывают в Instagram. Может быть, «Миленькая Красная Корзинка» станет в интернете знаменитой. Теперь я могу прочитать заголовки: «В Красной Миленькой Корзинке самое Вкусное Печенье в форме Тыкв и Членов!». Я вижу, как люди приходят отовсюду, макают печенье-члены в свой кофе и едят его.

У меня остался один поднос с дополнительными угощениями, и я планирую отнести его в дом престарелых, а затем вернуться сюда, открыть бутылку вина и полежать в ванне перед сном. У меня еще тонна декораций, которые нужно развесить в магазине, чтобы сделать его более праздничным для Хэллоуина, поэтому я не знаю, смогу ли завтра в конце дня не

валиться с ног. Мои пальчики на ногах нуждаются в хорошенькой ванночке, и, возможно, если я выпью вина, то меня больше не будут преследовать сны об этом задумчивом мужчине Доминике.

Моя квартира над пекарней небольшая, с открытой планировкой и ванной комнатой. Без роскоши, и всегда приятно пахнет множеством лакомств, которые я выпекаю каждый день. Удобно жить выше того места, где работаешь, и это все, что мне нужно, но, думаю, когда-то я все же смогу себе позволить собственный дом с землей. Я всегда хотела что-то такое, чтобы выйти на заднее крыльцо голый, не боясь посторонних глаз. Ну, возможно, и есть одни глаза, которым я бы с удовольствием разрешила посмотреть на меня. Я останавливаю себя, пытаюсь перестать думать об этом. Я не должна так думать о Доминике. Я даже не знаю его, но, кажется, мой разум делает то, что хочет в эти дни, даже во сне. Мне бы хотелось пнуть его под зад, чтобы он не был такой занозой в заднице.

Открыв корзину, я помещаю туда поднос со сладостями и закрываю ее. Я выхожу через черный вход с моей корзинкой печенья в одной руке, а ключи и кошелек в другой. Оказавшись на улице, я поворачиваюсь и все запираю. Когда я поворачиваю ключ, и замок защелкивается, я слышу хруст листьев за спиной. Обернувшись, я крепко хватаюсь за свою корзинку, но ничего не вижу. Меня это до чертиков пугает, но, возможно, это просто мое воображение. Может, это просто животное, бегающее по деревьям позади зданий. Когда я подхожу к своей машине, то снова слышу шорох, и я стою там, смотря в лес, пытаюсь понять, могу ли я увидеть что-то, что бы это ни было. В Колорадо есть разные животные.

«Миленькая Красная Корзинка» расположена на Мэйн-стрит, но на той стороне, где нахожусь я, простирается лес. Здесь есть тонна охраняемых земель, так как эти места располагаются очень близко к национальному парку, а за пекарней лежат акры и акры деревьев и дикой природы. Думаю, что это енот, и я оглядываюсь вокруг в поисках чего-то, чтобы отпугнуть его. Я смотрю на землю вокруг меня. Возможно, если я брошу в лес небольшой камень, он убежит. Я не хочу, чтобы животное поранилось.

Когда я поднимаю взгляд, то замечаю человека, которого я не знаю, стоящего в двух шагах от меня, как будто он появился из ниоткуда. Иисус, он должен двигаться быстро. Он действительно высокий, и я не думаю, что это просто потому, что я супер мелкая. Этот парень должно быть ростом до семи футов. Его одежда грязная и разорванная, и, похоже, он не купался несколько месяцев. Черт, возможно, даже годы. Его волосы длиной до плеч спутались, в таком же беспорядке находится его длинная борода. Его лицо все заросшее, я не могу отличить ничего, кроме его губ, и это реально страшно выглядит. У него большие, полные губы, а за ними проглядывает ряд острых зубов. Я только что столкнулась со снежным человеком? Люди из Instagram будут так злы, что пропустили это.

— Привет. Я могу вам чем-то помочь? — я слышу дрожь в своем голосе и стараюсь не паниковать. Быть женщиной и сохранять спокойствие в такой ситуации чертовски страшно. Я не уверена, на что способен этот парень, но я не хочу делать никаких резких движений. Я четко ощущаю, что он бросится за мной, если я повернусь и побегу прямо сейчас.

Когда ответа не следует, я начинаю повторять вопрос, но внезапно он приходит в движение. Он делает медленный шаг вперед, а затем поднимает голову вверх и глубоко вдыхает. Некоторые из его волос отлипают от лица, и я не могу удержать вздох, который ускользает из моего рта. Его черты неровные и грубые с твердой квадратной челюстью и высокими скулами. Его внешность и его зубы напоминают мне скорее животное, чем человека.

Медленно, стараясь не напугать его, я делаю шаг, чтобы попасть в свою машину. Я отчаянно пытаюсь попасть внутрь и запереть ее, но он мгновенно оказывается передо мной. Святое дерьмо, он быстро двигается для кого-то такого большого, как он. Я могу протянуть руку и прикоснуться к нему, если захочу, но поверьте мне, я не горю желанием.

— Моя, — рычит он, глубоко вдыхая снова, как будто пытается вдохнуть меня. Это, наверное, такая традиция в Колорадо, когда люди просто нюхают друг друга все время?

Делая свой голос как можно мягче, я отвечаю: — Сэр, извините, конечно, но...

Мои слова прерываются глубоким громким звуком слева от меня, что заставляет повернуть голову в том направлении. Я вижу Доминика, который стоит недалеко от меня, его плечи выпячены вперед, руки выставлены перед ним, челюсти сжаты. У него явно выраженная агрессивная позиция, он выглядит так, будто собирается атаковать. Его серые глаза светятся, но это, должно быть, игра света. Это абсолютно ужасно, я еще никогда его таким не видела, и я отодвигаюсь от своей машины, чтобы попытаться как можно дальше отойти от этих двоих.

Я наблюдаю, как грудь Доминика поднимается, словно ему трудно дышать. Незнакомец уклоняется и внезапно оказывается около меня, становясь между мной и Домиником, словно блокирует меня от него. Что-то внутри меня начинает паниковать при разлуке, и я боюсь еще больше, чем раньше. У меня появляется потребность кинуться в руки Доминику.

— Моя, — говорит незнакомец сквозь острые, скрипящие зубы.

— Она уже сказала, Ксавьер, отойди.

Доминик делает шаг к нам, и незнакомец, которого, я думаю, зовут Ксавьер, делает шаг назад, приближаясь ко мне.

Я передвигаюсь в сторону, чтобы получше видеть Доминика, и он немного расслабляется. Я выгляжу испуганно, Доминик же напуганным не выглядит. Нет, он выглядит таким, как и всегда. Я верю, что Доминик поборет его, хотя Ксавьер выше и страшнее, но он выглядит нездоровым. Возможно, если бы он был в отличной форме, то у Доминика была бы причина для беспокойства.

— Я ощутил ее запах, она моя, — говорит Ксавьер, делая шаг в сторону Доминика, снова закрывая мое поле зрения.

— Нет, — слово рокошет глубоко внутри Доминика, и я выглядываю из-за тела Ксавьера, чтобы увидеть, что происходит. — Отойди от нее, или я перегрызу тебе горло. У меня есть на это право, и я им воспользуюсь.

Мать моя женщина, как ситуация могла так быстро выйти из под контроля? В одну минуту я везла печенье для пожилых людей, а в следующую оказалась среди драки на заднем дворе с людьми, которые говорили о том, что перегрызут друг другу горло.

Я замечаю, что Ксавьер начал сомневаться, а затем он снова глубоко вдыхает. Что происходит? Это как раз тот эпизод с полицейскими, который я смотрела, где парень ел соль для ванны, а затем украл чипсы с бензоколонки. Это безумие!

— Обнюхай ее снова, Ксавьер. Она принадлежит мне.

Обнюхать меня снова? Он совсем с головой не дружит? Я не дам ему меня нюхать! Он может разорвать меня на две части!

— Стоп, — говорю я, выглядывая из-за Лесного Чуда Ксавьера для, чтобы я могла донести свою мысль до Доминика.

Я встречаю светящийся взгляд Доминика и ощущаю, как холодок желания проходит по моему позвоночнику, каким-то образом забирая мой страх.

— Не сейчас, сладкая, — говорит он, его тон полностью меняется, когда он обращается ко мне.

— Но я чую мое, — рычит Ксавьер, поворачиваясь спиной к Доминику, его взгляд пробегает по мне в явном замешательстве. Он совершает ошибку, поворачиваясь ко мне, потому что Доминик тут же нападает на него.

Они оба рычат и клацают зубами, пока борются. Я не знаю, что делать, поэтому я просто стою там как идиотка, держа корзину с печеньем в виде членов и наблюдая за двумя парнями, которые дерутся. Я должна позвонить в полицию, но Доминик и есть полицейский. Я даже и думать не смею, что в этом городе есть заместитель. Спустя несколько минут Доминик оказывается позади Ксавьера, хватая его за талию, и заключает в ловушку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Это последнее предупреждение, Ксавьер. В следующий раз, когда ты сделаешь подобное еще раз, я тебя прикончу. Мне не волнует, что мы друзья. Понимаешь?

Ксавьер смотрит на меня, а потом отводит взгляд. На секунду я подумала, что вижу в его глазах что-то печальное, но оно исчезло, прежде чем я смогла быть уверенной наверняка. Сейчас он, наверное, не совсем доволен своим положением, поэтому я не зацкливаюсь на этом.

Он кивает головой и расслабляет свое тело, опускает руки и поворачивает голову в сторону, обнажая шею. Это позиция, которую принимают животные, когда лежат на земле. Похоже на покорную позу, и это кажется мне реально странным. Через некоторое время Доминик отпускает его, и они встают с земли.

Я осматриваю парня сверху вниз и вижу его одежду примерно в таком же состоянии, в котором она была в тот момент, когда он впервые вышел из леса: рваную и грязную. Он худощавый, но не выглядит находящимся на пороге смерти, однако он явно исхудал и нуждается в еде.

— Не хотите печенья? — Смешно, что я предлагаю пищу тому, кто пытался напасть на меня, но как сказал Доминик, он убьет его, если тот снова меня обнюхает. И из той части разговора, которую я поняла, они знают друг друга. Эта ночь становится все страннее и страннее.

— Тебе пора уходить, — я смотрю на Доминика и не знаю, разговаривает он со мной или с Ксавьером. Он смотрит на меня, и я понимаю, что те слова были обращены ко мне. Какого черта? Это мой дом.

Я делаю шаг в сторону Ксавьера и слышу рычание Доминика. Я не знаю, что, черт возьми, происходит, но этот странный парень нуждается в чем-то помимо наркотиков на ужин.

— Вот, — говорю я, протягивая корзину. Ксавьер колеблется только секунду, прежде чем взять у меня корзину и кивнуть в знак благодарности. — Извините, конечно, они все похожи на члены, но на вкус они замечательные.

Он смотрит снизу вверх, и я замечаю, что его глаза тоже пылают. Сегодняшний вечерний закат делает сумасшедшие вещи. Интересно, а мои тоже пылают? Ксавьер улыбается, но ненадолго, а затем снова отводит взгляд.

— Это не она, но я чувствую мое, — говорит он какую-то бессмыслицу.

— Это не она, так что держись от нее подальше, — голос Доминика звучит так, будто он ест гравий. Может ли здесь кто-нибудь нормально разговаривать? Почему все рычат?

— Она не спарившаяся, — отвечает Ксавьер, но это звучит не так, как будто он бросает вызов, больше похоже на вопрос.

— Воскресенье, — это, наверное, любимое слово Доминика, потому что по какой-то причине воскресенье является ответом на все вопросы.

Я не знаю, что должно произойти, но меня раздражает Доминик. Повернувшись к нему и положив руки на бедра, я встаю в свою лучшую нахальную позу, но он не обращает внимания. Хорошо. Будь по-твоему.

— Я пошла внутрь. Я буду признательна, если вы сведете борьбу до минимума, или продолжите ее где-нибудь в другом месте. — Я направляюсь к задней двери пекарни и достаю ключи, но поворачиваюсь вовремя, чтобы застать Ксавьера, когда тот возвращается снова в лес. — Эй, тебе нужно что-нибудь покушать, просто оставь камень на столе для пикника. И я оставлю для тебя корзину. — Я киваю на стол, который стоит на тот случай, если работникам нужно будет выйти на улицу на перерыв, или в те редкие дни, когда я выхожу на улицу и наслаждаюсь книгой на солнышке.

Доминик просто смотрит на меня, не похоже, что ему нравится моя идея, но Ксавьер кивает головой в знак признательности. Ха! Теперь у меня есть местный клиент! Он может не платить, но это уже маленькая победа. Через секунду я вхожу внутрь, запираю за собой дверь и поднимаюсь в спальню. Как только я оказываюсь там, я осторожно одергиваю шторы и смотрю вниз, чтобы увидеть, что оба мужчины ушли. Я отхожу и плюхаюсь на кровать.

— Что за фигня? — шепчу я в тишину комнаты.

Глава 4

Доминик

Смотрю, как Руби возвращает свою сексуальную попку внутрь здания, когда я пытаюсь сохранить контроль. Толстая металлическая дверь захлопывается за ней, пряча от меня эту прекрасную круглую задницу. Вижу, что она в безопасности в своем доме, и это немного успокаивает мои нервы, но не моего волка. Он все еще на грани, хочет вырваться и отметить свою пару.

Мой волк хочет оставить свой запах на ней, чтобы другие знали об этом, но это не единственная причина, почему я не стану этого делать. Если бы я мог просто оставить свой след на ней с самого начала, этого бы не случилось. Ксавьер бы учуял меня на ней, потому что никто не может пометить самку, если только она сама не захочет стать чьей-то на следующее полнолуние. Я уверен, что Руби увидела изменение в моих глазах. Вероятно, она сказала себе, что на самом деле не видит этого или что это была игра света.

Я понял, что мой волк учуял ее страх в двух кварталах отсюда. Мне потребовались все силы, чтобы удержать его под кожей и не кинуться к центру главной улицы. Вид местного шерифа в образе волка заставил бы любых приезжих туристов кричать и бежать по улице.

Сделав несколько глубоких вдохов, я пытаюсь успокоиться. Мне нужно всего лишь использовать ключ от пекарни, который лежит у меня в кармане. Я сохранил дубликат после заключения сделки о продаже; никоим образом моя пара не будет жить в доме, к которому я не имею легкого доступа. Мне нужно защищать ее, что я и делал каждую ночь с тех пор, как она переехала сюда — тихо проскальзывая через черный вход пекарни, я спал у лестницы, ведущей в ее комнату. Это немного успокаивает моего волка и меня, по крайней мере, я

нахожусь близко к ее запаху. Я уверен, Гвен ощущает меня тут повсюду, но мне плевать; я должен быть рядом с моей возлюбленной.

У меня заканчивается время, и я понятия не имею, что собираюсь делать. Мне нужно сблизиться с ней и получить ее благосклонность, потому что в субботу вечером, когда луна будет высоко в небе, мой волк возьмет верх.

Но в эту секунду у меня есть более насущная проблема. Смотрю на лес и надеюсь, что Ксавьер ушел не далеко. Я дал немного воли своему волку, подхватил его запах, а затем бросился в лес, идя по его еще не остывшему следу. Не пройдя и полмили, я наконец-то настиг его: он сидел рядом с ручьем, его голова была прикрыта руками. Он будто не слышит меня, но я понимаю, что это не так, когда подхожу и сажусь рядом с ним.

— Я думал... — Он позволяет своим словам повиснуть в воздухе, потому что их трудно закончить. Я понимаю, насколько это сложно.

— Ты думал, что нашел ее, я знаю.

Он поворачивает голову и смотрит на меня, его волк всегда присутствует в его глазах. Это то, что происходит, когда ты позволяешь себе оставаться в дикой природе слишком долго. Ты становишься больше зверем, чем человеком. Я удивлен, что его волк не поглотил его полностью, никогда больше не позволяя проявиться человеческому подобию.

— У тебя есть твоя пара, но ты ее даже не отметил, — рычит он на меня, крепко сжимая челюсти. Он явно взволнован тем, что я не востребовал свою собственную половинку. Это касается нас обоих.

— Тебе известно, что я не могу полностью спариться с ней до полнолуния, — отвечаю я ровным голосом, не желая его провоцировать. Нечестно добивать сломавшегося человека, даже если агрессия струится по моему телу. Мой волк не любит этого.

— Ты даже не пометил ее своим запахом. Я ничего такого не ощутил от нее. Что, если другой человек заберет ее у тебя?

— Они не посмеют. Я стану ближе, и она будет моей. — Я произношу эти слова сквозь стиснутые зубы, думая о том, как какой-то человек придет и заберет ее у меня. Другой волк не посмел бы. Волки могут спариваться только с истинными парами; а она единственная пара, которую хочет мой волк.

Его глаза немного сузились.

— Если бы она была моей, я бы отвез ее домой, пометил бы запахом и оставил метку, и она не стала бы бегать повсюду, раздавая всем свое печенье.

Я знаю, он считает, что это правда, что он мог бы застолбить свою пару. Возможно, он и мог бы, если бы она была тоже волком. Это просто усугубит ситуацию. Но что, если его пара была человеком? Даже если бы она и не была, волки обычно не любят, чтобы их брали силой и увозили. Женщины очень властные, когда дело доходит до спаривания.

— Это все, чего я хочу, — сказал Ксавьер, скорее всего, он учуял свою пару, раз вышел в город, чтобы похитить ее. Учитывая то, как он действовал сегодня, я думаю, что запах Руби должен соответствовать запаху его самки, раз он вышел из леса. Ксавьер никогда не покидает лес, с тех пор как его мать и сестра были убиты несколько лет назад.

Уверен, Ксавьер не знает, что он не сможет преследовать свою пару, как только окажется в горячке, он не способен на это. Он обычно делает то, что хочет. Хотя я и сильнее Ксавьера прямо сейчас, я бы не смог остановить его, если бы действительно стоял между ним и его самкой. Обратни становятся неуправляемыми, когда дело касается их пары.

Прежде, чем Ксавьер потерял сестру и мать, он мог бы стать нашим альфой в любой

другой день, если бы захотел, но в жилах Ксавьера не текла кровь альфы, да и сам он не горел желанием им быть. У него должно было быть хотя бы желание вести за собой, а это означает иногда отступать и делать все для своей стаи. Ксавьер не был таким.

Теперь он выглядит так, словно вообще отказался от еды. Но будто услышав мои мысли, он нагнулся и схватил одно из печений, съедая его. Я тоже тянусь за одним, но он начинает рычать на меня и щелкать зубами.

— Мое.

Поднимаю руки в воздух, показывая ему, что я не собираюсь их есть. Я обдумываю свои следующие слова, но он толкает меня.

— Моя пара. Я чувствую её на этом печенье, но это не та женщина, которая дала мне их. — Он берет еще одно печенье, осматривает его, явно смущаясь. Я так же немного запутался. Как он мог распознать свою пару?

Затем осознание обрушивается на меня, словно чертова груды кирпичей. Это то, о чем я даже не хочу думать, это то, что заставит альфу потерять свое самообладание. Он с трудом позволил Ксавьеру остаться в этом городе. Единственная причина, по которой он позволил ему остаться, заключалась в том, что Ксавьер поклялся, что будет держаться подальше от людей, что явно не сработало с Руби. Он также одобрил это, потому что Ксавьер пообещал, что никакие дикие животные не приблизятся слишком близко к городу, ведь он хорош в отслеживании. У него, наверное, один из лучших носов в стае, потому что он больше контактирует со своим волком, чем любой из нас. Наверное, поэтому он смог учуять свою пару настолько далеко от леса.

— Хочешь свою пару, Ксавьер? — спрашиваю я, уже зная ответ. Каждый мужчина-оборотень хочет найти свою пару с того дня, как он родился. Одни начинают сходить с ума, когда становятся старше, другие же никогда не находят её.

— Не раздражай меня своими глупыми вопросами, — рычит он, беря еще одно печенье. Кажется, его совершенно не волнует то, что он ест десерты в форме члена.

— Что бы ты сделал со своей самкой?

— Отметил бы ее. Если все, что ты хочешь делать — это задавать глупые вопросы, то ты можешь уходить прямо сейчас. Я буду держаться подальше от твоей пары, но будь я на твоём месте, я бы укусил ее по-настоящему, так, чтобы все знали.

Мой член дергается от этой мысли, и томительное наслаждение ползет по моему позвоночнику. Я не привык к тому, что каждый раз становлюсь твердым, и мне кажется, что уже никогда не привыкну.

— Ты хочешь этим сказать, что собираешься украсть свою пару, притащить ее сюда в лес и заставить ее жить так же, как ты? В холодную зиму без крова? Женщину, у которой, вероятно, есть семья? — Я знаю это, потому что она у нее есть. — Ты вырвешь ее из повседневной рутины и приведешь куда? В какую-то пещеру вблизи этого места, Ксавьер? Ты бы позволил сделать это со своей сестрой?

Он замирает от моих слов, и я попадаю прямо в цель.

— Ты даже не заботишься о себе, и ты реально думаешь, что готов к паре и щенкам? Я слышу, как он глубоко вздыхает, и мне интересно, не зашел ли я слишком далеко. Добивать человека, который и так побит, не в моем стиле, но это чистая правда, и быть прямолинейным с Ксавьером лучший выход.

— Я сделаю все, что угодно, чтобы сделать свою самку счастливой, — он встает, и я следую его примеру. Я могу сказать, что он не совсем уловил смысл сказанного; он уже пять

лет как живет один.

— Ксавьер, дом твоей семьи все еще ждет тебя, и я платил за услуги охраны парка, внося деньги на семейный счет. Возьми себя в руки, а затем получи свою пару.

— Я докажу, что я идеальная пара.

— Я уверен, что так и есть.

С этими словами он уходит вглубь леса.

Я смотрю на часы и вижу, что уже почти семь. Альфа уже должен вернуться к этому времени, и, похоже, нам придется немного поговорить.

***

— Я знал, что это произойдет, черт возьми! — я слышу, как Стоун-альфа ревет на подъездной дорожке перед его домом.

— Я могу делать все, что хочу. Мне двадцать один год, ради всего святого! — Повышенный тон Гвен заставляет моего сильного волка опустить голову, ее голос пронзает наши уши.

Они продолжают кричать друг на друга, когда я поднимаюсь по лестнице на крыльцо. Я громко стучу в дверь, хотя уверен, что Стоун уже знает, что я здесь.

Он хотел, чтобы я докладывал, когда он возвращается, но я уже опаздываю на пятнадцать минут из-за того, что разговаривал с Ксавьером. Теперь я слышу, как Гвен и Стоун схлестнулись в схватке, и не уверен, что хочу быть братом-защитником, потому что у его маленькой сестрички есть пара, и это никто иной, как Ксавьер. Тогда мех действительно полетит. На самом деле это чудо, что через такое долгое время они смогли уловить запахи друг друга. Хотя с таким сильным альфой, как Стоун, влияющим на Гвен, возможно, это не так уж и удивляет.

Конечно же, Ксавьер и Гвен пересекались раз или два, потому как выросли в одном и том же городе. Но спаривающая волна не нанесет визит, пока оба волка не достигнут восемнадцати лет. Когда Гвен достигла совершеннолетия, Ксавьер уже был в дикой природе в течение нескольких лет.

Когда дверь распахивается, я вижу Гвен, стоящую там и расположившую руку на своем бедре. Она слишком часто тусуется с моей Руби, потому теперь она делает все как она, но мои глаза не следуют к бедрам Гвен, как в случае с Руби. Всякий раз, когда Руби хватается за свои бедра, все о чем я могу думать, это схватить ее за них и сжать в своих руках. Я вижу ее изгибы, и мне хочется ощутить их на ощупь. Когда она надевает одно из своих трикотажных платьев, которое обтягивает всю ее фигурку, я только и думаю, как почувствовать ее кожу под своими пальцами. Скоро я воспользуюсь ее бедрами, чтобы...

— Ты просто будешь стоять там или зайдешь уже? — спрашивает Гвен со скучающим выражением на лице. Я не виню Стоуна за то, как он её защищает. Ей может и двадцать один год, но она едва выглядит на восемнадцать.

Веснушки, которые появились у нее в подростковом возрасте, все еще покрывают ее переносицу, из-за чего она выглядит намного моложе своих лет. У меня нет сестры, но если бы была, я бы поступал точно так же.

— Как прошел твой день в пекарне? — спрашиваю я, заходя внутрь.

— Был бы воистину лучшим, если бы ты прекратил пугать всех. Никогда не думала, что ты станешь тем, кто расстраивает свою пару, Дом.

Ее слова заставляют мое сердце сжаться, а моего волка наострить уши.

— Я не причиняю ей вреда, — возражаю я, смущаясь самой мысли, что такое возможно.

Она фыркает, и это звучит неподобающе. Она закатывает глаза и поворачивается, чтобы подняться по лестнице и убежать от нас с братом. Я протягиваю руку, чтобы остановить ее, желая узнать, что она имеет в виду под «расстраиваю свою пару», но быстро отдергиваю себя. Идея прикоснуться к другой женщине, даже к моей названной сестре, заставляет мой живот скрутиться от боли.

— Гвен, как я делаю ей больно? Я стараюсь делать все, чтобы не причинить ей боли, — мои слова заставляют ее остановиться, чтобы посмотреть на меня.

— Она здесь новенькая и думает, что весь долбанный город ненавидит ее, Дом. Я имею в виду, прекращай это. Она здесь совсем одна, и она потеряла единственного живого родственника, который у нее был, и теперь ты не позволяешь никому к ней приближаться. Да, ты становишься ревнивым и делаешь ей больно. — С этими словами она поворачивается, а ее светлые волосы подпрыгивают, когда она поднимается по лестнице.

— Черт.

— Рад видеть, что я не единственный, кого она поставила на место, — говорит Стоун позади меня, заставляя меня взглянуть на него.

— Ты выглядишь ужасно, — я смотрю на его помятую фланелевую рубашку, отросшую бороду и темные круги под глазами.

— Ага. Три недели в дороге от стаи к стае и вот, что с тобой случается, — говорит он, опуская свое большое тело на диван и задирая ноги на журнальный столик. Он делает глоток своего пива, а затем вздыхает. — Хочешь?

Я бы не отказался, но мне понадобится бутылок двадцать, чтобы напиться, и в любом случае я бы оказался на лестнице Руби. По крайней мере, если я трезвый, я не стану выбивать ее дверь, пытаясь войти и напугать ее до смерти. После словесного удара от Гвен, я должен сдать немного назад.

— Нет, все норм, — я занимаю место в кресле напротив него, надеясь, что это будет быстрый разговор. Тут не о чем рассказывать. Ну, не так много того, чем я хочу поделиться в данный момент.

— Как все? Кроме того, что ты позволил моей сестре устроиться на эту работу в городе. О, и того факта, что ты нашел свою пару — две вещи, которые не входят в наш еженедельный разговор.

Я слышу легкое раздражение в его голосе, но не гнев. Либо он так устал, как выглядит, или он не так обеспокоен этим, чтобы продолжить.

— Я обязан был позволить купить моей паре пекарню. У меня не было выбора. Она бы уехала, и я должен был бы последовать за ней. Я не мог позволить ей уехать... если хочешь, можешь выбрать нового бету.

— Да я все это прекрасно понимаю, — говорит он, допивая одно пиво и открывая следующее. Намек ясен. Куда пойдет моя пара, туда пойду и я. Если бы это значило оставить мою стаю, я бы ушел, не задумываясь.

— Но разве ты должен был позволить нанять ей мою сестру на работу?

— Я не могу контролировать твою сестру больше тебя, Стоун.

Я вижу, как напрягается его лицо. Он беспокоится о нас больше, чем должен на самом деле, но после смерти их родителей я могу понять почему. Они потеряли их в совсем юном возрасте, и я уверен, что Гвен почти не помнит их. Стоун больше похож на отца, чем на ее

брата.

Потеря родителей очень нелегкая ноша для оборотня, потому что обычно они следуют за своей парой до самой смерти. Когда уходит один, другой идет следом за ним. Раньше я думал, что это ужасно, что судьба делает это с людьми, но как только я узнал Руби, не думаю, что смогу жить без нее. Она уже глубоко забралась мне под кожу. Но, похоже, все, что я делаю, только причиняет ей боль, а я еще ругал Ксавьера, что он плохая пара.

Стоун не отвечает мне, но тут и нечего сказать. Он получит совершенно новую реальность, когда Ксавьер постучится в его дверь. Нет, поцарапается в нее. Хотя у меня такое ощущение, что Ксавьер не станет стучать в дверь, чтобы настигнуть свою пару. Он скорее всего сорвет дверь с чертовых петель.

— Она скоро найдет свою пару. Тебе придется отпустить ее, — говорю я как бы невзначай, пытаюсь облегчить этот разговор.

Его лицо немного светлеет, и это заставляет меня расслабиться. Пока он не открывает свой рот.

— Я заключил несколько действительно хороших союзов, пока ходил от стаи к стае, проводывая других альф. Мне также довелось встретить хороших оборотней. Некоторые из них хотят сменить обстановку, и те, которых я планирую сюда пригласить, будут отличной кандидатурой для Гвен. Я действительно надеюсь, что она станет для кого-то из них парой. Думаю, я буду спокоен за нее, если она будет с кем-то из них.

Просто супер. Нам не хватало еще оборотней, которых Стоун приведет для спаривания с Гвен.

— Говоря о парах, мне правда нужно вернуться к своей, — говорю я, вставая. — Как я уже сказал, за время твоего отсутствия ничего не произошло, и Гвен не мешала работе в пекарне. Поверь мне, я был там все время. С ней ничего не произойдет, — я пытаюсь успокоить его, потому что ему нужно отдохнуть. Может быть, ему нужно отпустить своего волка для хорошего пробега, прежде чем мы станем разбираться с Ксавьером и Гвен.

— О том, что сказала Гвен? Ты реально удерживаешь стаю от встречи с твоей парой? — спрашивает Стоун, приподнимая бровь, удивляясь моему странному поведению.

— Я еще не пометил ее своим запахом или меткой. И она еще не знает, кто мы такие.

— Почему, черт возьми, нет? Если я найду себе пару...

— Знаю, ты сразу ее отметишь. Я слышу это почти от каждого, — злость слышна в моем голосе. Я сейчас начну кусаться. — Я просто волнуюсь. Мой волк сходил с ума как никогда раньше, с тех пор как я увидел ее. Она человек, и я едва сдерживаю себя. Я чувствую, что если я прикоснусь к ней, я ее трахну, и ты знаешь, что произойдет потом. Она впадет в горячку, а я слышал, что это чертовски больно. Когда я впервые встретил ее, оставалось еще три недели до полной луны, и я не мог так поступить с ней; я бы наградил ее болью на целых три недели. Поэтому я подумал, что лучше буду страдать сам, — мой член не может найти освобождение, пока он не войдет в нее в первый раз. Независимо от того, сколько раз я стараюсь, оргазм никогда не приходит.

Если бы я взял ее в тот первый день, она бы была в горячке три чертовых недели. Я старался держаться подальше от нее и позволял полной луне обрести свою силу, но я не смогу долго быть в стороне. Мой волк не хочет, чтобы рядом с ней кто-то находился, пока я не смогу ее взять, поэтому день и ночь мы следили за нашими ослами на стоянке, около ее пекарни. Теперь же я понял, что она неправильно истолковала мое поведение. Это все чертовски усложнило.

Я пробегаю рукой по лицу, пытаюсь уменьшить напряжение, которое я чувствую.

— Похоже, у нас обоих было несколько тяжелых недель.

Я киваю головой в знак согласия.

— Самые трудные и лучшие три недели в моей жизни. — Я могу быть несчастным в данный момент, но это того стоит. Скоро у меня будет пара, она станет моей на всю оставшуюся жизнь. Что касается сегодня, похоже, я буду спать у подножья лестницы. Снова.

Глава 5

Руби

Я закрываю дверь на замок и переворачиваю табличку на «Закрыто». Сегодня пятница, и у нас был отличный день. Много людей заезжало в пекарню по дороге из города. Что-то витало в воздухе, потому что появилось такое ощущение, словно все в скором времени собираются уехать. Хэллоуин завтра ночью, поэтому, возможно, у людей есть планы. Есть не так много мест для проживания, которые находятся близко к национальному парку, поэтому каждый, кто посетит его в этот день, должен будет уехать ранним вечером, чтобы добраться до следующего города в назначенное время.

Гвен и я сделали много вкусностей за утро, и почти все было продано. Я хотела принять предложение Гвен и пойти выпить сегодня вечером, потому что этот день стоил веселья. Местных жителей по-прежнему не было, но я стараюсь не останавливаться на достигнутом и не унывать. Гвен постоянно твердит мне быть терпеливой.

Я смотрю в окно и, заметив тень, наблюдаю, как Доминик разговаривает с кем-то через дорогу. Как будто ощутив мой взгляд, он поворачивается, встречаясь с моими глазами. С этого расстояния я едва могу его разглядеть, но внезапно вижу, что его глаза светлеют. Это похоже на то, словно они светятся, точно так же, как и прошлой ночью. Клянусь, закаты в этом месте заставляют людей выглядеть смешно.

Чем больше я смотрю на него, тем сильнее меня к нему тянет. Я не понимаю того, что происходит с моим телом. Весь день казалось, что моя кожа заряжена электричеством. Я такая чувствительная и возбужденная. Я продолжаю тереть руки, чувствуя, как волоски на них поднимаются, словно я замерзла, но мне не было холодно. У меня сейчас такое же чувство. Что-то внутри меня хочет открыть дверь и броситься в объятия Доминика.

Я отгоняю эту идею и быстро прячусь в тень, защищающую меня от его взгляда. Я оборачиваюсь и улыбаюсь Гвен, которая стоит за прилавком. Возможно, она знает о том, что происходит.

— Тебе не кажется, что все уезжают из города?

Она издает необузданный жужжащий звук и возвращается к вытиранию прилавков.

— Серьезно. Кажется, что-то витает в воздухе. Разве ты не заметила, как все туристы массово покидали город сегодня утром? Словно что-то выгоняет их из него.

Она отрывает взгляд от прилавка и пожимает плечами.

— Я думаю, что люди просто хотят уехать на выходные. Утром я тоже планирую уехать.

— Правда? Зачем? Ты ничего такого раньше не говорила.

— О, это совсем неважно. Просто собираюсь навестить друга в Брайсон Пик. И это просто подходящее время месяца. — Она тихо бормочет последнюю часть и поворачивается спиной.

Господи, ее дела видимо вправду идут плохо, раз она должна ехать к другу, чтобы сбежать от них. Но это не мое дело.

Я обхожу ее и присоединяюсь к уборке кухни. Как только мы заканчиваем, закрываем кассу и запираем задний вход, мы поднимаемся наверх, в мою квартиру, чтобы подготовиться.

— Боже, как же мне нравится это место, — говорит Гвен, когда входит.

— На самом деле, я надеюсь, что смогу подыскать новое место. Это не настолько просторное, как я хотела. Эй, возможно, если все будет хорошо, ты сможешь его арендовать. Ты же живешь со своим братом, правильно?

— Боже мой, это было бы потрясающе! Я хотела бы иметь свое собственное жилье. Он меня так опекает, что это выглядит просто смешно.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, если решу переехать. — Я подхожу к шкафу и начинаю перебирать одежду. Я оглядываюсь и вижу, как Гвен, не стесняясь своего тела, раздевается. Я бы тоже не стала, будь у меня ее фигура. Приличного размера сиськи и стройное тело: кто бы захотел такое скрывать? Черт, я бы, наверное, бегала голой, окажись на ее месте. — Что ты принесла, чтобы надеть?

— Я хотела надеть что-то веселое, поэтому взяла кожаные штаны и каблуки. У меня есть две рубашки, но не знаю какую из них надеть.

— Наверное, я надену платье, — отвечаю ей, скользя в свою одежду. — Я такая коротышка, что даже штаны мне слишком длинные. Что думаешь? — Я достаю два платья: одно темно-синее, а другое темно-фиолетовое.

— Ух ты, темно-синее будет отлично смотреться с твоими волосами, — говорит полностью голая Гвен и показывает на две рубашки в своих руках. — Должна ли я пойти в топике, показывая животик, или надеть майку, чтобы похвастаться своими сиськами?

Я не могу удержаться от хихиканья при мысли, что она сегодня действительно хорошенько повеселится. Бьюсь об заклад, ее брат даже не знает, что она уедет из города.

— Иди с оголенным животом. Если бы мой был таким же плоским, я бы даже и не

подумала когда-нибудь снова надеть рубашку. Знаешь, я бы сделала все рубашки топиками.

— Ты что, прикалываешься? Я бы убила ради таких изгибов. Мужчины любят женщин, у которых есть за что подержаться. Между тем, у меня плоская задница и худые ноги.

Я просто качаю головой, улыбаясь.

— Я думаю, мы все хотим того, чего у нас нет.

Я иду в ванную, предпочитая быть немного скромнее. Мое темно-синее платье идеально подходит для прохладной осенней ночи. У него высокий воротник, который свисает с одного плеча, демонстрируя шею и ключицу. Оно облегает мое тело, доходя примерно до середины бедра. На ногах у меня высокие темно-коричневые сапоги до колен, которые отлично сочетаются с ним, поэтому это очень удобно, и я чувствую себя очаровашкой.

К счастью, мои выющиеся рыжие волосы в данный момент послушные и спадают вниз по спине, пусть это и не очень удобно. Я наношу легкий макияж, думая о том, как буду блистать, и крашу губы ярко-красной помадой.

Я заканчиваю и выхожу из ванной, а Гвен присвистывает. Я чувствую, как мое лицо краснеет, и уверена, что мои щеки такие же красные, как и мои волосы.

— Спасибо, — удастся мне пробормотать, когда я смотрю на Гвен сверху вниз. Она поправляет свои светлые локоны и делает какой-то замысловатый макияж глаз. На груди ее короткой рубашки написано "Я люблю Дракулу", а ее черные кожаные штаны облегают ее, словно вторая кожа. Гвен обула туфли на каблучке кроваво-красного цвета, за которые я готова убить себя, но она выглядит в них как рок-звезда. — Черт, девочка. Ты чертовски горячая штучка!

— Спасибо, чика. Сомневаюсь, что я найду того самого сегодня вечером, но попробовать не помешает.

— Того самого? Ты хочешь сказать, что ищешь мужа?

— Что-то в этом роде, — она подмигивает мне, хватая свою сумочку с моей кровати. — Готова?

Мы решили пройтись пешком до ближайшего бара, чтобы не садиться за руль. Выйдя через парадную дверь, мы проходим квартал до Волчьего Логова.

Гвен ускоряет шаг, и я смотрю на нее, замечая, как она сияет.

— Ты радуешься, что идешь в Волчье Логово? — спрашиваю я.

Она перекидывает свои светлые волосы через плечо и хихикает.

— Ох, девочка, ты даже не представляешь, как. Тебе там понравится.

— Ты часто здесь бываешь?

— Нет, мой брат меня прикончит, если узнает, что я сегодня пошла туда.

Я улыбаюсь тому, что мои подозрения уже подтверждаются.

— Тогда почему ты думаешь, что оно мне понравится? — спрашиваю я, когда мы добираемся до парадной двери бара.

Гвен подходит и хватается за ручку, открывая мне дверь.

— Просто поверь мне. Ты отлично проведешь время.

— Хорошей ночи, — говорю я уже пятый раз подряд. С того момента как мы вошли внутрь, Гвен усадила меня у барной стойки и сказала, что собирается поиграть в бильярд. Я могу прекрасно видеть ее отсюда, и она время от времени машет мне рукой, прежде чем вернуться к игре с несколькими парнями. Я думала, что это будет девичник, но вместо этого я отчасти развлекаю саму себя. Я говорю «отчасти», потому что каждую минуту, с тех пор

как я прибыла, кто-то подходил ко мне, чтобы поздороваться. Я удивлена, но еще больше я поражаюсь тому, как быстро они встают и уходят, когда я говорю им, что владею пекарней.

Я не спеша потягиваю пиво, не желая пить в одиночку. Я понимаю, что Гвен здесь, и она, кажется, знакома со всеми присутствующими, но я не знаю, как долго я смогу продолжать вот так. Когда я собираюсь встать, кто-то другой садится рядом со мной.

— Я владею пекарней, поэтому можешь вставать и уходить.

— Мне об этом хорошо известно, и я никуда не собираюсь уходить.

При звуке голоса Доминика мое тело становится податливым. Похоже, его присутствие растапливает все внутри, и я превращаюсь в лужицу нужды. Что со мной происходит? Каждый раз, когда я думала о нем сегодня, я получала эти сумасшедшие горячие вспышки и боль между ног. Клянусь Богом, это все равно, что кончать весь день.

Я поворачиваюсь на своем барном стуле, и в этот момент он придвигается так, что мои ноги оказываются между его, и мы впритык смотрим друг на друга. Он наклоняется ближе и сжимает свои ноги, сводя мои вместе. Я чувствую, как боль между моих ног уменьшается. Это помогает моей потребности замедлиться, но она также делает ее глубже, как будто мое желание становится сильнее.

Это первый раз, когда он коснулся меня, и я чувствую, как его тепло поднимается по моим ногам к животу и груди. Все мое тело горит от его прикосновений, и я закрываю глаза, думая о возможном опьянении.

— Просто расслабься, сладкая. Мне нужно немного о тебя потереться.

— Что? — спрашиваю я, качая головой. Я словно в тумане, и мне кажется, что я плыву, но мой ум ясен. Это самая сумасшедшая вещь, которую я когда-либо испытывала. Через мою кожу проходит чистое наслаждение. Я закрываю свои глаза снова и чувствую, как стон срывается с моих губ, когда его руки касаются моих. Ощущаю, как его сильные руки притягивают меня к нему, и встаю со стула вместе с ним.

— Пойдем со мной, сладкая. Ты мне нужна.

Я открываю глаза, когда он тянет меня к задней части бара. Я ощущаю покалывание, когда наши руки соединяются вместе, и такое чувство, словно я плыву за ним. Если только от его легкого прикосновенья так хорошо, то я сделаю все, что скажет этот человек. Краем глаза я улавливаю, как Гвен улыбается мне, но у меня нет возможности или желания остановиться и объяснить ей что-либо. Я слишком занята Домиником.

Он тянет меня через дверь, которая закрывается за нами, и я вижу, что мы находимся в темной комнате. Я не могу сказать, где именно мы находимся. Здесь настолько темно, что я не могу увидеть даже своей руки перед лицом. Внезапно я вижу серебряное сияние глаз Доминика, и, хотя я должна быть в ужасе, меня это успокаивает. Я чувствую, как Доминик прижимает меня к стене, и мои руки мгновенно обхватывают его шею. Я не приказывала своему телу делать хоть что-то из этого, оно просто само реагирует на него.

— С меня хватило того, как люди разговаривали с тобой. Я должен сделать что-то, чтобы они держались подальше от моего.

— А я твоя? — Опьянение, в котором я нахожусь, замечательное, и это заставляет меня хотеть того, чтобы Доминик заявил на меня права. Я чувствую, что хочу потереться об него, как и он об меня. Это похоже на то, что все внутри меня воспламенилось, и любое возражение, которое у меня когда-либо было, испарилось.

— Да. — Слово получается властным, но оно возбуждает меня, заставляя оживить самые чувствительные части моего тела. Внезапно я ощущаю новый виток боли, еще более

сильный, чем прежде, и издаю стон.

— Блядь. Еще рано, сладкая. Сегодня только попробуем на вкус.

— Пожалуйста, — стону я, не зная о чем прошу. У меня нет контроля над телом и своими словами.

Закрыв глаза, я упираюсь головой в стену, подставляя шею в том месте, где мое платье оголяет ее. Я не знаю почему, но мне кажется, что такой жест должен подтолкнуть его сделать что-то. Мне внезапно хочется, чтобы он припал зубами ко мне, укусил меня.

— Нет, — его челюсть сжата, он борется против моего желания.

Он наваливается на меня своим большим телом, и ощущение его веса немного успокаивает одну из моих потребностей. Он двигается вверх-вниз, потираясь об меня, заставляя материал платья сильно тереться об мои соски. Они твердеют, и я тоже трусь, обнимая его руками, пытаюсь приблизить его тело к моему. Я поднимаю ногу и оборачиваю ее вокруг его бедра, притягивая к себе пылающее естество. Я тяжело дышу, тепло в комнате и наши потирающиеся тела заставляют капельки пота катиться вниз по моей шее.

— Только попробуем на вкус, — шепчет он и наклоняется, слизывая их.

Его язык горячий и шершавый, как у кошки. Шершавая текстура ощущается так приятно на моей чувствительной коже, что я стону еще громче, желая большего.

— Еще, — я не осознаю, что произношу это в слух, пока он не начинает лизать ниже, направляясь к моим грудям.

Он глубоко вдыхает, нюхает мою кожу и лижет мое декольте.

— Так сладко.

Внезапно, я ощущаю его пальцы на моих бедрах, на подоле моего платья. Я толкаюсь в его нижнюю часть тела и прошу поднять платье вверх. Когда он медленно его поднимает и выставляет напоказ мою попку, он отстраняется и опускается вниз перед моим телом. Я ничего не вижу в комнате, но мне это и не нужно. Я чувствую, как Доминик стоит на коленях напротив моей киски и еще выше задирает мое платье.

Желание продолжить тереться об него остается, я пробегаю ладонями по его волосам, постоянно поглаживая его. Что-то в моем похотливом опьянении подсказывает мне делать это для него, приказывая моему телу гладить его и показать ему, что я желаю продолжения.

Я ощущаю его горячий рот на трусиках, когда он наклоняется и прижимает к ним свой нос. Когда он вдыхает, мои глаза закрываются, а рот открывается, и из него вылетает стон. То, что он вдыхает мой запах, еще больше заводит меня. Я понимаю, что мой запах на нем и внутри него делает Доминика моим. Это звучит немного безумно, но в этот момент это ощущается так правильно. Словно так и должно быть с нами.

Когда он отрывается от моей сердцевины, я начинаю протестовать, но потом чувствую, как его палец поддевает мои трусики и оттягивает их в сторону. Перед тем как я уже была готова его умолять, его горячий шершавый язык прикасается к моей киске, облизывая ту по кругу, впитывая мою влажность.

— Доминик, — стону я, потянув его за волосы, притягивая ближе к себе. Я широко развожу ноги и громко рычу.

— Черт, Руби. Я могу учуять твою девственность. Я не знаю, откуда мне это известно, но мой волк может учуять это. Он знает, что ты невинна.

Я уже открываю рот, чтобы спросить, откуда ему известно это, но внезапно он подается вперед, продолжая посасывать. Он вжимает меня в стену, пока поедает меня, рыча и стуча кулаком об стену.

Туман удовольствия окутывает меня от того, как его рот уделяет внимание моей киске. Я толкаюсь ему в лицо, умоляя о большем, и он принимает это, хватая меня за попку. Я не знаю, как долго он вот так поедает меня — время и место размываются на фоне этого момента.

Я на грани оргазма, но мне страшно кончать. Я чувствую, что если кончу, то меня просто разнесет на миллионы осколков.

— Дай мне свой оргазм, сладкая. Это все, что мы можем иметь прямо сейчас. Ну же.

Я чувствую его острые зубы на моем клиторе, и это ощущение толкает меня через край. Он крепко обнимает меня, когда я кончаю на него, интенсивно и долго, крича от своего освобождения. Это продолжается вечно, и я не хочу, чтобы это закончилось. И пока мое тело освобождается, Доминик напротив моей кожи вызывает эйфорию.

Медленно он опускает меня вниз, придерживая своим мускулистым телом, помогая встать на ноги, когда я едва могу на них держаться. Я по-прежнему ничего не могу разглядеть кроме его сияющих глаз в темноте, но я чувствую себя в безопасности и защищенной.

Его твердый член прижимается ко мне, и я протягиваю руку, чтобы коснуться его. Как только я дотрагиваюсь до него, он хватает меня за запястье.

— Завтра, любовь моя.

Я не знаю, что сказать на это, поэтому просто молчу. Ощущая полное истощение, я опираюсь на Доминика.

— Отвези меня домой.

Я качаю головой, а затем его сильные руки поднимают меня и несут. Я так ошеломлена пережитыми эмоциями и одолевавшим меня сном, что даже не протестую.

Когда я чувствую прохладные простыни подо мной, я едва открываю глаза, видя Доминика, склонившемся надо мной. Его глаза все еще светятся, но я нахожу утешение в них.

Моя пара.

Последнее о чем я подумала, перед тем как уснуть, откуда, черт возьми, взялась эта мысль.

Глава 6

Доминик

Я смотрю на ее обмякшее тело, растянутое вдоль постели. Мне потребовалось все мое обладание, чтобы расположить мою пару ко мне. Она обнимает меня даже во сне. Человеческие пары не редкость, но и нормой это не назовешь. Единственной человеческой парой в городе была моя двоюродная бабушка. Я не понимаю, как тело Руби может жаждать моего, даже если я не прикасаюсь к ней.

Я думал, что если установлю определенные границы между нами, она будет в порядке. Но когда я сидел сегодня вечером рядом с ней в баре, то понял, что ее тело ожило, просто находясь рядом с моим. Мой волк плюхнулся на спину, когда осознал это. Вероятно, он бы оголил перед ней свою шею, если бы решил, что ей это понравится.

Она такая красивая, ее рыжие волосы рассыпались по белой простыне, ее платье задралось на бедрах, оголяя промокшие трусики и небольшой пучок рыжих волосиков над ее киской, которые я не мог видеть в темной комнате в задней части бара.

Я не могу даже сожалеть, что мой первый раз поедания ее сладкой киски, произошел в задней части бара. Нет, не с ее сладостным вкусом, все еще обволакивающим мое горло. Я уже и не мечтал об этом, пока она не вошла в мою жизнь. Я сидел и наблюдал, как несколько мужчин подходили к ней, и хотя они также быстро уходили, когда узнавали, кто она, это по-прежнему не дает мне покоя. Они должны были учуять, что она моя в радиусе двадцати футов. Но этим я бы только сильнее напугал ее.

После увиденного ничего не может меня остановить. Она больше и на метр не отойдет без моего запаха. Я не могу дождаться завтрашнего дня, когда вопьюсь клыками в ее кожу,

привязывая ее к себе навсегда, смешивая наши ароматы в один. На всю оставшуюся жизнь мы будем пахнуть друг другом. Только сегодняшним вечером мне пришлось тереться об нее, оставляя что-то от меня на ее коже.

Когда я отвел ее в заднюю комнату и ощутил, насколько она жаждет меня, мне пришлось попробовать ее. Прежде чем понял, что делаю, мое лицо уже было прижато к ее киске, и я вдыхал ее запах глубоко в легкие. Каждая часть меня хотела ее.

Мне хотелось, чтобы когда я выйду из бара, все знали, как сильно моя пара сгорает от желания ко мне. Что именно я пробудил в ней это, и никто больше не сможет. Это все мое.

Потянувшись вниз и расстегнув пояс, я вытаскиваю свой твердый член и начинаю поглаживать его, пока смотрю на нее. Я знаю, что не смогу кончить, как бы долго я это не делал, но мне плевать. Я хочу, чтобы мой волк видел то, что так просил эти долгие несколько недель. Как мы близки к тому, чтобы наконец-то погрузиться в нее.

Я не мог поверить в то, что когда уткнулся между ее бедер, мой волк прорычал: «Девственница». Я даже и не мечтал о ее невинности. Мне было плевать. Все, что имело для меня значение, быть ее последним. Ей двадцать четыре. Девственность, как правило, должна давным-давно быть разрушенной. Это не похоже на наш вид, ждущий истинную пару; у нас нет выбора. Но когда мой волк сказал мне, что она не тронута, мне захотелось завывать. Мы оба были друг для друга первыми и последними. Во всем.

Я не знаю, как долго я стою, глядя на нее, но когда я замечаю первый луч солнца, пробивающийся через окно, то понимаю, что должен уходить. Она рано просыпается, чтобы открыть пекарню, и сегодня Хэллоуин, поэтому я уверен, что она будет занята, пока все туристы не отправятся домой на праздник.

Ей не нужно видеть меня, стоящего над ней, словно собака в течке. Ее разум, вероятно, будет проделывать с ней трюки из-за того, как мы оба отреагировали друг на друга вчера вечером. Я знаю, что мой волк дал о себе знать, но я не уверен, как много она смогла увидеть в темной комнате бара.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я подожду, пока не спарюсь с ней, прежде чем достану кота из мешка. Сегодня, когда луна будет высоко в небе, природа возьмет свое, делая ее потребность во мне еще сильнее.

Я прячу свой член обратно в штаны, застегиваю ремень и выключаю лампу рядом с кроватью. Я бы мог с легкостью наблюдать за ней и без светильника, с моим-то волчьим зрением, но мне не хотелось упускать ни малейшей детали.

Я наклоняюсь ближе, и ее голова поворачивается в сторону, обнажая шею. Даже во сне она подчиняется мне. Я не могу не лизнуть ее там, в последний раз почувствовать ее запах. Но ее кожа вызывает ко мне, и я сосу её, зная, что оставляю след для всех. Вкус того, что должно произойти.

Отступая назад, я шепчу ей на ухо:

— В последний раз ты просыпаешься одна, моя милая пара.

Со всей силой, которая у меня есть, я вытаскиваю себя из ее дома, запираю дверь за собой и направляюсь в дом альфы. Это будет долгий гребанный день.

Добравшись до дома Стоуна, я выпускаю зверя наружу и направляюсь прямо к его дивану. Но когда я приближаюсь к нему, во мне начинает подниматься жгучая потребность. Я едва коснулся мягких подушек, прежде чем снова встал на ноги, шагая взад-вперед. Жгучее, сильное чувство ползет по моему позвоночнику. Я словно умирал от бессонницы, но вдруг внезапно проснулся.

Я хочу поговорить с альфой о том, чтобы он проследил за всем сегодня вечером, когда взойдет луна. Мужчин-оборотней немного раздражают человеческие мужчины. После этого я собираюсь отправиться домой и подготовить все к тому времени, как Руби увидит свой новый дом. Я не могу дождаться, чтобы показать ей, где мы будем растить наших щенков.

Но сейчас я чувствую, что задыхаюсь. Я не могу дышать, и вдруг мой волк рычит: «Она нужна тебе сейчас». Моя челюсть сжимается, и я чувствую, как мои зубы начинают удлиняться. Может быть, я слишком долго не прикасался к ней. Возможно, тот вкус, который я попробовал вчера ночью, только подлил масла в огонь — в огонь, который теперь бушует внутри меня — теперь, когда я так далеко от нее. Мне нужно вернуться к ней. Сейчас же.

Я чувствую, как мех начинает покрывать мое лицо. Мой волк побеждает в битве, и мне внезапно становится все равно, что он делает. Мои звериные инстинкты начинают брать над мной верх.

Я подбегаю к двери, но прежде чем успеваю к ней дотянуться, меня отбрасывают назад. Я ударяюсь об стену, и это выбивает воздух из моих легких. Кусочки гипсокартона ударяются об деревянный пол рядом со мной, но мне пофиг.

— Моя, — рычу я, вставая, и мои глаза останавливаются на Стоуне. Он блокирует входную дверь, стоящую между мной и моей парой. Я скриплю зубами от злости.

— Контролируй волка, — приказывает мне Стоун, но мой волк настолько глубоко в себе, что не узнает команду альфы.

— Ты удерживаешь меня от моей пары? — мой голос настолько глубок, что я не уверен, что мои слова вообще можно разобрать. Что, черт побери, тут непонятного? Я хочу свою пару, и все должны, нахер, убратся с моего пути.

— Я никогда не стану тебя удерживать на расстоянии от твоей возлюбленной, но ты превращаешься, и я не могу выпустить тебя отсюда в таком виде, пока ты не начнешь себя контролировать. Люди могут увидеть тебя.

— Тогда ответ «да», ты удерживаешь меня от моей пары. — Последнее слово покидает мой рот, когда я приседаю и прыгаю. Я ощущаю, как моя морда вытягивается, мех пробирается сквозь мою кожу, и я уже наполовину оборотень, когда пытаюсь атаковать альфу.

Столкновение Стоуна с моим собственным телом, словно удар об чертову кирпичную стену. Мы оба падаем на землю, заставляя старый дом греметь. Я быстро двигаюсь в попытке добраться до его шеи, мой волк жаждет крови того, кто удерживает его подальше от моей пары. Мы нуждаемся в ней больше, чем в чем-либо. Мы чувствуем, что без нее не можем дышать.

Стоун держит меня сзади за шею, его кулак сжимает мои волосы, когда он отдергивает меня, прежде чем я смогу вонзить в него свои зубы.

— Черт побери, Дом, я не удерживаю тебя от твоей пары! — рычит он. — Не делай этого. Ты в горячке, и мы можем, в конце концов, убить друг друга. — Волк Стоуна начинает вырываться на поверхность, его глаза чернеют.

Я рычу в ответ.

— Дом, ты расстроишь Руби, если появишься сегодня перед ней в таком виде, словно подрался в баре, — произносит женский голос позади меня, заставляя ослабить хватку на Стоуне. Когда я слышу слова «ты расстроишь Руби», что-то останавливает меня.

Я смотрю в сторону, видя, как Гвен подходит ко мне. Ее рука вытянута, она планирует

использовать ее, чтобы успокоить меня.

— Я не твой, чтобы ты ко мне прикасалась, — я хватаю ее, даже не чувствуя вины. Мысль о ее руке на мне заставляет мой желудок сжаться. Моя потребность в Руби становится все сильнее и сильнее, заставляя меня откинуть голову и завывать. Мой волк не может больше терпеть, и я начинаю двигаться.

Внезапно я чувствую острое жало в спине. Я смотрю через плечо, чтобы увидеть, как из меня торчит шприц. Гвен отскакивает назад, оставляя иглу воткнутой в меня. Мое тело мякнет, черные пятна наполняют комнату, и образ Руби появляется передо мной. Я хочу подняться и прикоснуться к ней, но я не могу пошевелить руками, чтобы притянуть ее к себе.

— Ты не сможешь удержать меня от нее, — я стараюсь выговорить слова.

— Цепи смогут, — это единственный ответ альфы.

Глава 7

Руби

Я все продолжаю выглядывать в окно, смотря на уже пустые улицы, которые когда-то были заполнены малышами, а затем переворачиваю табличку на двери, чтобы сообщить, что мы закрыты. Я разочарована и вся как на иголках — весь день я не видела Доминика.

Мне было грустно, когда я проснулась сегодня утром и не нашла его в постели рядом со мной. Я уже думала, может быть, я слишком много выпила вчера вечером, и у меня снова были сны о нем.

Это было до того момента, пока я не посмотрела в зеркало, когда начала собираться на работу, и не увидела отметину, которая была видна на весь мир. С моим белым цветом лица, я понимала, что ни одна косметика не скроет такой след. Почему-то мне не хотелось прятать ее. Я обнаружила, что весь день прикасаюсь к отметке. Каждый раз, когда я это делаю, в

моем теле пробуждается желание.

Теперь я просто вне себя от злости. Он дежурил около моей пекарни каждый день в течение трех недель, а теперь, когда он столкнулся лицом к лицу с зарослями на моей промежности, он исчез?

Еще хуже то, что мое тело в данный момент не заботит моя злость. Если бы он сейчас вошел в дверь, я бы, наверное, забралась на него, словно на дерево, и попросила бы повторить все снова, не обращая внимания на то, что он выскочил от меня среди ночи и избегал на протяжении всего дня.

Я понятия не имела, что все закончится так. Он заставлял меня чувствовать себя самой ценной девушкой, которой он когда-либо касался. Словно он никогда не сможет насытиться мной, и он дал ясно это понять.

Вздохнув, я возвращаюсь за прилавок и начинаю закрывать кассу, пока Гвен возится на кухне, пытаюсь наверстать упущенное после того, как она опоздала сегодня утром.

Через несколько минут она выходит из кухни с корзиной печенья для Хэллоуина в руке.

— Я не думаю, что придет много детей, — говорю я, кивая на окно. Главная улица пуста. Дети уже проходили мимо, наряженные в свои костюмы. Я слышала, как кто-то говорил, что дети поедут в соседний город в этом году из-за полнолуния, что не имеет никакого смысла для меня, но это как-то влияет на меня, как и на окружающих. Я не думала, что мне придется столкнуться здесь с барьером общения, когда переезжала из Северной Калифорнии в Колорадо, но все же это произошло.

Она кивает, соглашаясь со мной.

— Симпатичные маленькие комочки, вероятнее всего, даже не станут хитрить или обращать внимание на погоду.

Темные облака клубились в небе весь день и выглядели так, словно они вот-вот взорвутся дождем.

— Наверное, ты права. По крайней мере, они обошли магазины.

Было мило смотреть на всех детей, наряженных в костюмы и путешествующих по главной улице вместе со своими родителями. Это заставило меня задуматься о собственной семье. Доминик мелькает в моем сознании, заставляя мое тело напрячься.

— Что тогда насчет этой корзинки? — спрашиваю я, стараясь не думать о нем. Я снимаю фартук, складываю его и кладу под стол.

— Можем выполнить доставку, — просто отвечает она, словно мы этим занимаемся уже сто лет.

— Мы не выполняем доставок.

— Ну, старая пекарня это делала, поэтому я просто подумала... — она кусает губы, словно расстроила меня, но ведь доставка означает, что кто-то из местных делает заказ, и я наберу столько клиентов, скольким смогу доставить их заказ.

— Все нормально. У тебя есть адрес?

Порывшись в своем кармане, она вытаскивает листок бумаги и передает его мне.

— Мне действительно жаль. — Я вижу беспокойство в ее глазах из-за чего-то, что не так уж и важно.

— Все нормально. Не то чтобы у меня были какие-то планы на сегодняшний вечер. Кстати, ты разве не должна уезжать из города? Я думала, в этом и был весь план.

— Ага. Мне нужно кое-куда. — Она крепко меня обнимает. — Он никогда не сделает тебе больно, только не тебе, — шепчет она мне на ухо. Ей не нужно называть его имени,

чтобы я поняла, о ком она говорит.

Она отходит, направляясь к выходу. Я следую за ней, чтобы закрыть дверь. Пошел дождь, и Гвен быстро перебегает через улицу.

Я беру корзину с прилавка и несу ее на кухню, спеша наверх, чтобы достать кошелек и ключи от машины. Остановившись, я хватаю красный плащ с капюшоном, который защитит меня от дождя. Я также могу использовать его, чтобы прикрыть корзинку. Накинув плащ на плечи, я завязываю его на шее, прежде чем натянуть капюшон.

Спустившись на первый этаж, я хватаю корзинку, и направляюсь к черному входу, закрыв дверь, перед тем как сесть в машину. Я ввожу адрес в свой GPS и вижу, что дом находится недалеко, но, похоже, это не простой путь. Он пролегает через лес, возможно, это просто домик на большом участке земли. Может, у них вечеринка в честь Хэллоуина или что-то в этом роде.

Я выезжаю на абсолютно пустую главную улицу, и дождь усиливается, когда я сворачиваю на проселочную дорогу, из-за чего становится сложно разглядеть ее. Это приведет к тому, что путь будет намного длиннее, чем планировалось. Дождь прекращается уже на следующем повороте. Но я просто уверена, что он начнется снова в любую секунду, так что, возможно, я смогу выполнить доставку до того, как намокну.

Я снова сворачиваю, пока еду по выложенной гравием, гладкой поверхности грубой дорожки. Прежде чем я успеваю среагировать, мои шины соскальзывают. Заднее колесо встречается в канаву, снося меня полностью с подъездной дорожки. Я стараюсь удержать руль, пытаюсь надавить на педаль газа, но шины у моего автомобиля слишком маленькие, и они просто буксуют на месте.

— Вот же дерьмо!

Я могу разглядеть дом, освещенный моими фарами, и он стоит примерно в миле от меня, размещенный в конце дороги, укрытый кучей деревьев. Оглядываясь вокруг, я замечаю, что все окружено деревьями — я в глубине леса. Я хватаю свой кошелек и ругаюсь, когда понимаю, что на моем телефоне нет сети. У меня не такой уж и большой выбор, поэтому я бреду в дом. Даже если он размещен в конце длинной гравийной дороги, окруженной темным лесом.

Солнце к этому времени уже полностью село, поэтому мне нужно просто двигаться вперед. Может я отдам им печенье, а взамен они подкинут меня в город, или, возможно, у них есть грузовик, который сможет вытащить мою машину. Я не думаю, что на это уйдет слишком много времени, нужен только один хороший рывок.

Схватив корзину, я выскальзываю из машины, накинув капюшон на голову. Примерно на полпути я вдруг слышу треск веток. Кто-то идет по лесу, наступая на них ногами. Я останавливаюсь и пытаюсь понять, что издает шум, но после захода солнца и с покрытым темными облаками небом, я не могу ничего разглядеть.

Я слышу рычание справа от меня, за которым следует еще один треск веток, заставляющий мое сердце выпрыгивать из груди. Когда вой звучит слева, паника накрывает меня. Я срываюсь с места и бегу к дому. Мое сердце бешено колотится в груди, и я оглядываюсь назад, пока бегу, видя позади себя белого волка. Это заставляет меня бежать еще быстрее — не думала, что вообще умею так бегать, и когда достигаю переднего крыльца, я просто молюсь, чтобы дверь была открыта. Чувствую облегчение, когда хватаюсь за ручку, и она поворачивается. Я вваливаюсь внутрь, практически падая. Я успеваю повернуться и захлопнуть дверь, а затем прижимаюсь к ней.

Внезапно я слышу звук замка, который щелкает снаружи. Я медленно поворачиваюсь и проверяю ручку. Она движется, но засов не дает двери открыться. Я замечаю замок на верхней части двери. Зачем так высоко его делать, и зачем запирать кого-то изнутри, а не снаружи?

Раздается еще один рык, и на этот раз он исходит изнутри дома, заставляя меня застыть на месте. Корзина выскальзывает из моей руки.

— Мне так жаль Руби, у нас не было выбора, — слышу я голос Гвен снаружи.

— Гвен! Там волк! — кричу я ей.

И затем я понимаю, что здесь тоже есть один.

Глава 8

Доминик

Моя.

Я смотрю, как Руби медленно поворачивается и смотрит на меня, красная накидка закрывает ее лицо, но я узнаю ее запах где угодно. Брачная луна уже полная, пришло время клеймить свою волчицу.

То, что она находится рядом со мной, успокаивает моего зверя, и я могу мыслить ясно. Я помню, как Гвен накачала меня чем-то, и я припоминаю, как Стоун затащил меня сюда, в

мой дом. Должно быть, я проспал несколько часов, потому что сейчас уже ночь, и я чувствую здесь Руби. Я стал расхаживать по комнате, слушая, как она подходит все ближе и ближе. Я чую других волков на улице, Гвен и Стоун должно быть привели ее ко мне. Я ждал, когда она придет, и теперь мы сможем спариться, и я смогу полностью отметить ее как свою.

Я делаю к ней шаг, находясь все еще в волчьей форме. Наши волки больше, чем средний волк, примерно втрое больше обычного. Я слежу за ее реакцией и медленно двигаюсь, чтобы она поняла мои намерения.

Я слышу, как быстро бьется ее сердце, но не ощущаю запаха страха. Она, наверное, узнала мои глаза, потому что они светятся тем самым ярким серебром, когда я превращаюсь в волка. Когда я оказываюсь примерно в футе от нее, я низко склоняю голову, показывая, что не причиню ей вреда. Мне нужно, чтобы моя пара доверяла мне, и чтобы ее тело поняло, что я тот самый.

После минутного колебания я чувствую ее пальцы в моей густой серой шерсти на затылке.

— Доминик? — шепчет она, и мой волк выпускает мягкое рычание удовольствия, подаваясь к ее прикосновениям.

Другая рука присоединяется к первой, и она гладит меня по шее, чувствуя мое тело. Я прижимаюсь к ней лицом, чувствуя, как ее тепло обволакивает меня. Время для спаривания пришло, я чувствую пробуждение ее желания.

— Доминик, что происходит? — Она не напугана, просто ошеломлена. — Что со мной происходит?

Я отстраняюсь от ее прикосновения, и она следует за мной. Мы стоим посреди гостиной, но кто-то убрал мебель в качестве меры предосторожности. На полу лежат большие теплые одеяла, а в камине горит огонь. Единственный источник света — оранжевое свечение, исходящее от горячих углей, что делает комнату похожей на пещеру.

Как только мы оказываемся у камина, я беру над своим волком контроль и начинаю превращаться в человека. Единственная причина, по которой он позволяет мне сделать это, потому что мы оба хотим спариться с ней, и я должен быть в человеческой форме, чтобы сделать это. Я все еще думаю как зверь, и многое во мне не хочет превращаться обратно. Но когда это происходит, я наблюдаю за Руби, которая снимает капюшон с головы, чтобы увидеть, что происходит.

Я все еще не чувствую от нее страха, только растущее желание меняться. Я чувствую, что мои клыки удлиняются и становятся заостренными, мои когти так и остаются острыми. Мои глаза пылают, в то время как густая серая шерсть покрывает мое тело. Когда я превращаюсь в человека, Руби окидывает меня взглядом сверху вниз. Ее глаза задерживаются на моем члене, и она подносит руки ко рту, когда видит его.

Я смотрю вниз и вижу, что он больше обычного. Я и так большой, учитывая то, что у меня десятидюймовый член по жизни, но теперь, когда настала брачная луна, он стал намного больше.

— Твое тело примет меня, когда я помечу тебя, — мои слова исходят из глубины моей груди, мой волк все еще может управлять мной.

Она ничего не говорит, просто кивает, убирая руки со рта на ленту своего плаща, развязывая его.

Я рычу от нужды, когда плащ падает на пол, и слежу за тем, как она сбрасывает свою

обувь. Касаясь подола своего трикотажного платья она снимает его через голову, оставаясь в одних трусиках, и все что я могу сделать, это пытаться остаться в человеческом облике. Ее грудь налита тяжестью от желания. Когда я спарюсь с ней, они будут истекать молоком каждый раз, когда луна будет полной. От этой мысли мой рот наполняется слюной. Ее полные изящные изгибы выглядят настолько мягкими, что кажется будто они смягчат мои удары, когда мой волк и я будем вбиваться в нее. Я хочу подтолкнуть ее и взобраться на нее, но если я прикоснусь к ней, то потеряю контроль над волком. Горячка утянет нас вместе, а я отчаянно пытаюсь ее контролировать.

— Ты чувствуешь это? — слова Руби выходят на одном дыхании, а за ним следует легкий стон. Ее поглощает брачная луна, и желания становятся острее. — Я чувствую, что я ... что ... Боже, я не знаю. Пожалуйста.

Она выскальзывает из трусиков, оставаясь голой передо мной, и меня начинает тряссти. Поскольку она человек, я даже и подумать не мог, что ее тело будет нуждаться во мне так же, как и мое в ней, но похоже все это естественно. Я закрываю глаза на секунду, выжигая образ своей пары-Богини в своей памяти.

Благодаря небольшому контролю, который еще остался у меня, я опускаюсь вниз на пол и ложусь на спину, вытянув руки и ноги. Мой член стоит по стойке смирно, он почти посинел от желания, поскольку я предлагаю себя ей, позволяя ей понять, что мы будем покорны ей во всем, если она только пожелает; что мы никогда не навредим ей. Чтобы показать, что она принадлежит нам.

Мой волк скулит от боли, но я стараюсь его успокоить. Руби человек, наше первое спаривание не может быть похоже на спаривание двух волков. Обычно, волк взбирается на свою самку сзади, вонзая ей зубы в шею. Моя же волчица намного нежнее, и первый раз с ней должен быть контролируемым.

Руби должна понять то, что ей подсказывает ее тело. Она подходит ближе и останавливается рядом со мной, ожидающим ее. Я чувствую запах ее желания и вижу, как влага блестит на ее бедрах в свете огня — свидетельство того, что брачная луна хочет воссоединения наших тел.

Она поднимает одну ногу, перебрасывая ее через мое тело, и садится на мои бедра. Находясь в таком положении, она открывается мне полностью, и я вижу, как ее истекающее соками влагалище сокращается от желания.

— Я не знаю, что со мной происходит, но ты мне нужен, Доминик, больше всего на свете, — говорит она, стоя надо мной в доминирующем положении. Вместо того, чтобы бороться с этим, я поворачиваю голову набок, обнажая шею. Через секунду я вижу, как она начинает опускаться на меня.

Я смотрю вверх и сталкиваюсь с глазами своей пары в тот момент, когда наши интимные места соприкасаются, и толстая головка моего члена встречается с ее входом. Наши тела берут верх, зная, что они делают.

Ощущение ее влажной киски напротив моего члена — чистый рай. Я всю жизнь ждал ее, и наконец-то, нашел свою пару — это блаженство.

Я все еще держусь, когда капельки спермы начинают собираться на кончике моего члена. Мой первый оргазм тяжелый и быстрый. Мне нужно сделать все, чтобы помочь ей принять меня всего, ведь я еще не лишил ее девственности, но я также знаю, что моя сперма содержит целебные свойства, которые успокоят ее тело. Если часть моей спермы попадет в нее, то спаривание будет полностью начато, и ее тело будет соответствовать моим размерам.

Волки спариваются грубо, и человеческая форма не сможет принять этого. Сперма должна быть внутри ее в брачную луну, чтобы она смогла спариться со мной. Она возьмет некоторые наши гены и сможет понести от меня потомство.

Дав ей частичку своей спермы, я закрываю глаза и начинаю громко и удовлетворенно завывать, а в этот момент Руби садится на мой член, полностью принимая его в себя.

Ее крошеное тельце открывается и полностью принимает мой член, когда я «забираю» ее девственность и утверждаю, что она — моя истинная и единственная пара. Она прислоняется к моей груди, сжимая мою шерсть в своих руках. Я смотрю ей в глаза и вижу, что они пылают, спаривание начинается. Между волками нет нежной любви, есть только глубокая, грубая страсть. Она начинает меня жестко объезжать, оседая на основание моего члена и потирая свой клитор об меня.

Она стискивает зубы, и я вижу ее удлиненные клыки. То, как грубо она обращается с моим телом, еще больше возбуждает моего волка. Он хочет перевернуть ее и заклеить, но ей нужно кончить. Она все еще остается человеком по большей части, и мне нужно отметить ее, пока она кончает.

Я чувствую, как мой член снова врывается в нее, и завываю от ощущения наполненности. Мысль о том, что она понесет от меня моих щенков, поглощает меня, и я вонзаюсь в нее сильнее, готовый в любой момент наполнить ее спермой.

Она откидывается назад и кладет ладони мне на бедра. Я наблюдаю, как ее большая грудь подсакивают, когда она двигается своими бедрами назад-вперед на моем члене. Когда я поднимаюсь и втягиваю соски, ее влагалище сжимает мой член. Ее киска настолько тугая и горячая, что я ничего не могу контролировать, поэтому я снова погружаюсь в нее, наполняя ее изнутри, пока она продолжает объезжать меня. В этот самый момент моей спермы становится слишком много, и она начинает стекать по моему члену, пачкая нас.

Я тянусь вниз до того места, где мы связаны, и делаю еще один сильный толчок, крепко удерживая Руби. Ей нужно как можно больше моей спермы внутри нее, чтобы крепко соединиться и понести потомство. Она смотрит на мои пальцы и, словно чувствуя, что делать, открывает рот и начинает их сосать. Ее глаза светятся ярко-зеленым, и я могу сказать, что она уже близко.

Я чувствую, что снова кончаю, когда она заканчивает сосать мои пальцы, моя челюсть изнывает от боли и необходимости отметить ее. Время пришло. Я чувствую это.

Руби наклоняется вперед, на этот раз наваливаясь своим телом сверху на мое, в то время как я вколачиваюсь в нее снизу. Она прямо над моим ртом, и я облизываю губы, приглашая ее для поцелуя. Когда ее губы касаются меня, я одержим желанием пометить ее. Я отрываюсь от нее, двигаясь своим ртом туда, где встречаются ее шея с плечом, и задерживаюсь там.

— Пожалуйста, Доминик. Пожалуйста, — стонет она, и я в последний раз делаю толчок, снова опорожняю свой член и чувствуя, как ее киска сжимает меня, одновременно кончая.

Когда оргазм накрывает ее, я вонзаюсь зубами настолько сильно, чтобы попробовать ее кровь, позволяя своей слюне смешаться с ее, спариваясь с ней на всю оставшуюся жизнь и делая своей.

Я пронзаю кожу и чувствую ее кульминацию. Она испускает стон, который превращается в вой — завершилось ее частичное изменение. Она никогда не будет полностью превращаться волка, но волчица будет в ней присутствовать.

Когда она опускается и начинает расслабляться на мне, я рычу и переворачиваю нас. Я чувствую, что мех начинает покрывать мое тело, но я все еще держусь, чтобы не измениться. Я сильно сцепился со своей парой, и от этого мой волк сходит с ума.

Теперь настало его время.

Глава 9

Руби

Я чувствую жжение внутри себя. Словно я в огне, но мне нравятся эти ощущения. Доминик находится внутри меня, но внезапно он выскальзывает из меня и переворачивает, как будто я вещь не больше, чем перышко. Он поднимает мою попу вверх. Меня застигли врасплох, и паника начала окутывать меня, но как только я почувствовала, что он снова погружается в меня, страх начинает отступать. Единственные мысли, которые крутятся в моей голове, о том, что я хочу его внутри себя.

Когда я обернулась назад, то увидела огромного волка, но я не боялась. Опасение, которое я чувствовала ранее, исчезло. Внутри меня поднималось тепло, и я ощутила, как все встало на свои места. Как будто я ждала этого момента всю свою жизнь, и, наконец, это произошло.

Разумный человек будет подвергать сомнению всё и требовать ответы, но вместо этого я позволяю своему телу руководить мной. Я знала, что могу доверять Доминику, и, когда я увидела, как он перевоплотился и предложил мне себя, я без колебаний подчинилась.

Он моя судьба, моя неизбежность, и почему я не должна хотеть то ощущение, когда он внутри меня? Словно я привязана к нему намного сильнее, чем к собственному телу. Мы стали одним целым, и теперь я поняла, чего он выжидал.

Я опускаю голову на мягкие одеяла и раздвигаю ноги. Я хочу, чтобы у него был каждый дюйм меня и много потомства. Я расслабляюсь, когда он жестко входит в меня, открывая

мое тело для него. Я принимаю каждый его удар, приветствуя его сперму внутри меня. Это то, как мы стали парой, и как все узнают, что я теперь заклеянная. Я не понимаю, откуда мне известно это, но я знаю.

Повернув голову, я обнажаю свою шею — ту сторону, которую он не пометил. Я хочу, чтобы он заклеил меня всю. Я хочу, чтобы наша связь была настолько сильной, насколько возможно, и наше спаривание было мощным.

Доминик начинает кончать в меня от этого вида, но он не замедляет свои толчки. Он все время трахает меня, изо всех сил врываясь в мое чрево.

Я чувствую тепло, проходящее через меня, когда он наклоняется и впивается зубами в мою кожу. Мои собственные зубы болят, желая укусить его. Я хочу заклеить его кожу и предупредить других женщин, что этот мужчина занят. Мои ногти выросли и стали острыми, они изнывают от необходимости отметить Доминика. Я хватаюсь за одеяла, разрывая их, желая зарычать.

Я уже близка к другому оргазму, но даже назвать это оргазмом язык не поворачивается. Это ощущается так, словно все мое тело разрывается на миллионы звезд и встречается с космосом, только чтобы снова упасть на землю и сделать меня цельной. Это самый большой опыт в моей жизни, и меня накрывает уже другие боязнь и волнение.

Обернувшись назад, я хватаюсь за плечо Доминика и погружаю ногти в его плоть, в то время как его зубы проникают в меня. Меня накрывает оргазм более мощный, чем первый, и я почти потеряла себя.

Что-то произошло, когда Доминик пометил меня, и мы кончаем одновременно. Наши общие оргазмы связывают нас вместе, и мы становимся одним целым. Я чувствую, как он впитывается в мою кровь и питает меня страстью, которой я не знала до этого.

Спускаясь с пика, я пытаюсь начать дышать. Я отпускаю плечо Доминика, а он в ответ облизывает мое плечо в том месте, где укусил. От такой заботы у меня появляется улыбка — я люблю нежную сторону своего животного.

Внезапно Доминик вытаскивает свой член и переворачивает меня на спину. Он быстро тянет меня на себя, усаживая на свои колени, снова вонзаясь в меня.

— Мне нужно видеть тебя, — рык вырывается из его груди. Его волк слишком близко подобрался к поверхности, и, проводя пальцами по его волосам, я пытаюсь успокоить его, потому что мы теперь пара, и я никуда не уйду от него. Не знаю, как и откуда я знаю, что это правильно, думаю, инстинкты ведут меня. Я даже не сомневаюсь в том, что это прекрасно.

— Хорошо, моя пара.

Его глаза светятся ярче, и он снова начинает кончать. Его член извергает сперму, в то время как он продолжает трахать меня, входя и выходя из моей киски.

Мне должно быть больно от размеров его члена и грубых движений, но все, что я чувствую, это эйфория. Как будто я в облаке похоти и любви, и никогда не захочу его покидать.

Я опускаю палец между нами и собираю остатки его спермы, поднося ее к своему рту. Я хочу как можно больше его внутри меня, и это еще один способ сделать это. Когда я ощущаю наши смешанные вкусы, то чувствую, как по моему телу проходит заряд тепла, приближая меня к кульминации.

Доминик облизывает губы, наклоняясь и требуя соития моего рта с его. Вкус его спермы и моих соков, смешанный с его теплым языком, заставляют меня приблизиться к пику. Мы сильно держимся друг за друга, отмечая друг друга, когда спариваемся.

Такое ощущение, что Доминик знает, насколько я близко, чтобы кончить, и разрывает поцелуй, наклоняясь, чтобы вобрать мой сосок в рот. Я чувствую, как его острые зубы впиваются в меня, и моя чрезмерно чувствительная кожа реагирует. Он двигается в сторону моей груди, мягко покусывая меня там, делая свои намерения предельно ясными. Он помечает меня.

Я опускаю взгляд и замечаю его обнаженную шею, и теперь понимаю, что это мой шанс. Мои зубы изнывают, желая отметить его, и я хочу сделать то же самое, что и он со мной.

Я наклоняюсь и кусаю его в то же время, как он кусает мою грудь. Вкус железа проникает в мой рот. Ощущение общей метки приводит нас к кульминации. Он в последний раз толкается в мое тело и наполняет его. Когда я сжимаю его член, оргазм проходит сквозь мою кисть.

Доминик начинает зализывать мою грудь в том месте, где он пометил меня, и я проделываю то же самое с его шеей. Я нежно забочусь о крошечной ране, не желая, чтобы моя пара почувствовал какую-то боль.

Он смотрит на меня своими светящимися серыми глазами, и я утопаю в любви. Я вижу, что он чувствует ко мне, и это выходит за рамки всего, что я могла себе только представить. Я провожу руками по его волосатой груди и запускаю их в волосы, лаская его и показывая ему свою любовь.

Медленно он опускает меня на одеяла, оставаясь внутри меня. Он сильно раздулся во мне, поэтому мои ноги обхватывают его талию, сильнее закрепляясь. Страсть, подобная этому, не нежная и сладкая, она грубая, пламенная и всепоглощающая.

Я уверена, что завтра все будет болеть, но сейчас, в полнолуние, я хочу все, что он сможет дать мне, прежде чем его тело устанет.

Глава 10

Доминик

— Я думала, ты сказал, что горячка уже прошла, — сладкий хриплый голос Руби врывается мне в ухо, когда я толкаюсь в нее снова; ее ноги обернуты вокруг моей талии, подначивая меня, когда изголовье кровати ударяется о стену. Это просто чудо, что она до сих пор не сломалась.

— Она и *прошла*. Это просто твоя пара хочет тебя. — От моих слов она снова кусает меня за плечо, и удовольствие от этого толкает меня через край, я освобождаюсь в нее, когда ее киска сжимает мой твердый член.

Даже после нескольких раундов он, похоже, не хочет расслабляться. Не то чтобы я винил его в том, что Руби теперь так близко. Не желая выходить из нее, я перекачиваю нас так, чтобы она была сверху, мой член по-прежнему находится глубоко внутри нее.

Ее тело опускается на мою грудь, и то, что она продолжает покусывать меня, заставляет выпустить в нее еще больше спермы. Кажется, моя маленькая волчица хочет убедиться, что я хорошенько отмечен. Возможно, она не осознает, что делает, но мне нравится, что ее собственническая сторона берет верх и требует, чтобы все вокруг знали, что я занят. Она могла бы покрыть все мое тело своими метками, если захочет, и я буду наслаждаться каждой минутой.

— Если горячка прошла, значит ли это, что секс всегда будет таким? Настолько интенсивным? — Я чувствую напряжение в ее вопросе, который напоминает мне о том, как много она еще не знает. Но у нас есть целая жизнь на все это, и я хочу облегчить мысли, которые, как я понял, засели в ее головушке.

— Сладкая, всегда, когда я буду находиться рядом с тобой. — Ее голова резко поднимается, мягкий рык вырывается из ее груди: признаки оборотня начинают проявляться в нашем спаривании.

Ее щеки покраснели от звуков собственного рычания.

— Как такое возможно?

Принимая сидячее положение, я тяну ее к себе на колени, помогая оседлать меня. Я позволяю своему члену выскользнуть из нее, понимая, что если он будет в ней, мы не сможем нормально поговорить.

— Как ты уже догадалась, я оборотень, — я не знаю, почему я задерживаю дыхание после того, как слова срываются с моих губ. Это то, что она теперь знает, знала с того момента, как вошла в хижину.

— Я... — Ее слова повисли в воздухе. Я не уверен, боится ли она того, во что я ее превратил.

— Только отчасти. Ты не будешь оборотнем в полном смысле этого слова. Ты не сможешь полностью превращаться в зверя, как я и наши щенки. — Я кладу одну из своих рук ей на живот, думая о щенках, которые будут там расти.

Она проводит языком по своим зубам, ища клыки, которые появились, пока мы занимались любовью.

— Твои зубы отрастут, у тебя появятся когти, ты будешь быстрее, сильнее; быстрее будут заживать раны. Таким образом природа позаботилась о том, чтобы ты могла ухаживать за нашими детенышами, а в случае необходимости защитить их. Ты злишься из-за того, что я не рассказал об этом, прежде чем мы...

Она прерывает меня, прижимая свои пухлые губы к моим, ее сладость наполняет мой рот.

— Я думаю, что полюбила тебя с того самого момента, когда увидела, как ты сидишь в той пекарне, такой весь из себя хмурый. Что-то в тебе... это было похоже на то, будто я знала, что ты мой, — говорит она, разрывая поцелуй.

— Я знаю, что любил тебя, когда сделал свой первый вздох, придя на эту землю. Я ждал тебя всю свою жизнь, и я буду любить тебя даже после того, как этот мир заберет меня.

Ее глаза блестят от слез, заставляя волка зарычать в ответ — он недоволен увиденным.

— Ты моя пара, ты мое все; я проведу с тобой всю свою оставшуюся жизнь, делая тебя счастливой. Я люблю тебя, сладкая.

— Я тоже люблю тебя. Даже когда ты сводишь меня с ума. — Она одаривает меня игривым шлепком по моей груди.

— Ты даже представить не можешь, как трудно было держаться подальше от тебя, любовь моя. Самые мучительные три недели в моей жизни.

— А сейчас?

— Теперь ты полностью моя. — Я переворачиваю ее, подминая под себя, мой волк берет верх, заставляя мои глаза потемнеть.

— А почему у тебя такие большие глаза? — поддразнивает она, и улыбка играет на ее губах.

— Чтобы лучше видеть тебя, моя прекрасная волчица, — поддразниваю я, когда исследую ее идеальное тело, лежащее подо мной, медленно скользя по ее фигуре.

— А почему у тебя такие большие зубы? — Ее слова несут в себе желание.

— А это чтобы скорее съесть тебя! — Схватив ее за бедра, я широко раскрываю их,

обнажая киску, показывая, как именно я собираюсь ее съесть.

Эпилог

Руби

Спустя три месяца...

— Боже, я размером с огромный дом! — Я лежу в постели, ноги отдыхают на подушках, в то время как Доминик потирает мои опухшие пальчики.

— С каждым днем ты становишься все красивее, сладкая, — он дарит мне одну из этих секси-улыбочек, и все, что я хочу сделать, это раздвинуть ноги и поместить эту улыбку на мою киску.

Он делает глубокий вдох, закрывая глаза.

— Осторожно, моя пара. Ты на днях должна родить, и мы должны быть осторожными. Это твой первый раз, когда мы произведем на свет наших щенков, и я хочу быть уверенным, что с тобой все будет хорошо.

Ты уже говорил мне, что у оборотней беременность длится девяносто дней. — Я потираю свой огромный животик, чувствуя, как наши дети двигаются. Мы смогли узнать, что у нас тройня, мальчики, и, хотя я почти потеряла сознание от шока, Доминик взвыл от восторга. Он не переставал улыбаться с того дня, рассказывая эту новость всем, кого мы знаем, и кто встречался нам на пути. Он сказал, что это редкость для человеческой женщины — понести много щенков сразу, поэтому он думает, что спаривался со мной слишком активно. Это должно быть единственным объяснением.

— Иногда это может занять больше времени, все зависит от породы оборотня. — Он целует каждый из моих опухших пальчиков, и я хихикаю от этого ощущения. Он меня балует, и мне кажется, что это никогда не надоест.

Со времен брачной луны жизнь была малиной. У меня все еще есть моя пекарня, и я могу работать несколько дней в неделю. Ну, когда Доминик мне разрешает. Гвен оказалась просто незаменимой, взяв на себя большую часть обязанностей, пока я просто занимаюсь бизнесом. Она наняла в помощники двух молодых местных девушек, и дела пошли куда лучше.

— Как только мальчики родятся, я собираюсь превратить офисное помещение рядом с пекарней в детский сад. Это будет место, которое местные женщины смогут использовать, если они захотят пойти в кафе или отдохнуть. Я знаю, что мне захочется постоянно проверять наших детей в первые дни, когда выйду на работу.

Доминик начинает целовать мои ноги, и я стону от наслаждения.

— Я буду проводить с тобой и щенками еще больше времени.

Я хихикаю в ответ на его заявление.

— Ты и так почти не отходишь от меня.

Как только он достигает внутренней части моих бедер, то начинает покусывать кожу, и мое тело мгновенно реагирует. Я не знаю, что бы я делала без него. Он всегда со мной, куда бы мы ни пошли, его волк жаждет моего тела, и мое тело изнывает по каждому его дюйму.

— Ты хочешь, чтобы я был подальше от тебя? — Шепчет он в мои трусики, облизывая уже влажную ткань.

— Никогда, любовь моя.

Я слышу, как его волк рычит глубоко в груди, командуя, чтобы я немного приподнялась.

Я чувствую, как его зубы прикусывают мои половые губы, прикрытые трусиками, и это вызывает у меня безумное желание.

— Возможно, я буду нежен, и дам тебе то, в чем ты так нуждаешься.

Я киваю и расставляю ноги шире. Мой живот настолько огромный, что это всё, что я могу сделать — просто лежать в одном положении, отдавая всю власть своей паре. Мой волк — самый лучший мужчина, которого я когда-либо встречала, он заставляет меня чувствовать себя сексуальной каждый день моей жизни. Его страсть только подпитывает нашу любовь, и я не могу представить свою жизнь без него.

Когда я чувствую, как он тянет мои трусики в сторону, а его теплый язык соединяется с моим центром, я закрываю глаза и отдаюсь удовольствию. Доминик владеет мной — телом, сердцем, умом и душой. Я была бы полной дурой, если бы сопротивлялась такой любви.

Больше книг на сайте - Knigolub.net